

ПЛЕХАНОВ В БОРЬБЕ ЗА ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

1. Критика веховской концепции. Белинский

Между 1908 и 1912 годами Плеханов выступил с циклом работ, посвященных революционным демократам. Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов на некоторое время снова (после серии статей «Судьбы русской критики» и других работ 90-х годов) становятся в центре его литературных интересов. На это были важные причины общественного порядка.

Время после поражения революции 1905—1907 гг., отмеченное в истории русского общества глубокой политической и идейной реакцией, характеризуется вместе с тем стремлением общественных партий и течений разобраться в уроках прошлого — и не только ближайшего, но и сравнительно отдаленного. В литературе этих лет популярной становится аналогия, устанавливающая не только некоторые черты сходства, но и причинную связь между двумя периодами в общественной истории России — «эпохой великих реформ» и эпохой первой русской революции. Аналогия имела вполне достаточные основания. «1861 год породил 1905», — писал В. И. Ленин, давая ключ к пониманию тех реальных причин, которые делали актуальным обращение к эпохе 60-х годов и к наследию «великих деятелей той эпохи»³⁰⁶.

В наследии революционных демократов внимание марксистской публицистики начала XX века привлекали прежде всего два круга проблем.

Первый был связан с аграрным, крестьянским вопросом — коренным вопросом и демократического движения 60-х годов, и первой русской революции. В борьбе вокруг него столкнулись в свое время революционно-демократический и либерально-охранительный лагеря, а в период революции 1905—1907 гг. — революционные марксисты и либеральные реформисты всех мастей. Предлагавшееся Чернышевским, Добролюбовым и Герценом революционное решение крестьянского вопроса, их борьба с трусливым русским либерализмом, их последовательный демократизм приобретали на новом повороте истории острый политический смысл.

³⁰⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 177—179.

Наряду с этим живое современное звучание получили в период реакции, который был также периодом «философской разборки»³⁰⁷, теоретические идеи революционных демократов. Материализм в решении основного вопроса философии, материалистическая теория познания, идея союза философии и естествознания, социологический реализм, эстетика жизненной правды и высокой идейности, критика теории и практики «чистого искусства» — все это служило серьезным подспорьем марксистской публицистике начала XX века в её борьбе против многочисленных идеалистических школ в философии и эстетике. Да и сама по себе история русской общественной, философской и литературно-эстетической мысли настоятельно требовала в этот период научного освещения.

Пожалуй, никогда раньше социально-политические и философско-эстетические идеи революционных демократов 40—60-х годов не подвергались таким злобным нападкам и такой изощренной фальсификации. Никогда раньше не создавалось такого количества легенд и мифов, призванных дискредитировать или обезвредить идейное содержание трудов Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского. Идеологи молодой либеральной буржуазии и позднего народничества, утонченные декаденты и вдохновители черной сотни приняли посильное участие в этой кампании. Дать отпор новому походу против демократии и призвана была марксистская публицистика и критика.

В трудах В. И. Ленина 900-х годов, посвященных вопросам революционно-демократического наследия, с научной глубиной и политической остротой разбирались все стороны деятельности и мировоззрения предшественников русской социал-демократии³⁰⁸. В работах Плеханова этого периода на первом плане стоят теоретические проблемы, что имело свои достоинства и недостатки. Последние, однако, не должны заслонять того поистине огромного вклада, который внес Плеханов в освещение идейного наследия русской революционной демократии и в развенчание фальсификаторских легенд о Белинском и Герцене, Чернышевском и Добролюбова³⁰⁹.

³⁰⁷ Там же, т. 20, стр. 128.

³⁰⁸ См. М. Г. Зельдович, Борьба В. И. Ленина за идейное наследие русских революционеров-демократов в период 1905—1912 годов. — Уч. зап. Харьковского ун-та, 1956, т. 75, стр. 191—217.

³⁰⁹ Вклад этот мало оценен в работе М. И. Сидорова «Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX века» (Изд-во АН СССР, М., 1957). С большей объективностью и полнотой он показан в исследованиях: М. Т. Иовчук, Г. В. Плеханов и его труды по истории философии, Соцэжгиз, М., 1960; Б. И. Бурсов, Плеханов и Белинский, Литературное наследство, т. 55, Изд-во АН СССР, М., 1948; В. Г. Астахов, Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский,

«Протест против реакционной «переоценки ценностей», добытых продолжительными усилиями русской передовой мысли» (XVII, 99), Плеханов считал — как он об этом писал в работе «Materialismus militans» — обязательным для каждого марксиста. Он выразил его прежде всего в форме критики общих концепций и конкретных оценок, содержащихся в шумевшем сборнике «Вехи» и в не менее популярной среди буржуазной интеллигенции «Истории русской общественной мысли» Иванова-Разумника.

В ряде статей и рецензий 1908—1912 гг. Плеханов показал несостоятельность историко-философских упражнений веховцев³¹⁰. Как известно, центральная идея «Вех», этой «энциклопедии либерального ренегатства» (Ленин), была сформулирована М. Гершензоном в предисловии к первому изданию сборника: «Их (то есть авторов «Вех» — Н. Г.) общей платформой является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства»³¹¹. С этой точки зрения веховцы расценивали всю историю русской философской и эстетической мысли. Они признавали глубокими мыслителями тех, кто когда-либо высказывал положение о примате «духовной жизни» над «внешними формами общежития» (Чаадаев, славянофилы, Юркевич и т. п.) и начисто отвергали «идеологию русской интеллигенции, всецело покоящуюся на противоположном принципе — на признании безусловного примата общественных форм»³¹². Всё это было не что иное, как «война материализму и материалистически толкуемому позитивизму; восстановление мистики и мистического мирозерцания»³¹³.

Плеханов, установив ложность веховской альтернативы (или внутреннее устройство личности или усовершенствование общественных форм), показал, что в реальной истории рус-

Сталинабад, 1961. В них преобладает, правда, теоретический подход и недостаточно выясняется конкретная полемическая направленность плехановских работ. Наличие специальных работ позволяет нам в самом сжатом виде остановиться здесь на плехановских оценках Белинского и Чернышевского, выделив малозначительные моменты. Более подробно рассматриваются статьи о Добролюбове и Герцене, почти не анализировавшиеся в исследовательской литературе.

³¹⁰ В 1909 году Плеханов задумывал серию статей специально о сборнике «Вехи», но она не была написана (XVII, 309).

³¹¹ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции, М., 1909, стр. II.

³¹² Там же, стр. II.

³¹³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 170.

ской мысли проблемы духовного порядка неизменно приобретали общественный характер, а борьба за переделку общественного строя отнюдь не исключала интереса к проблемам этики и нравственного совершенствования личности. Более того: такая борьба всегда велась с целью создания надлежащих условий для всестороннего развития личности; участие в ней уже само по себе предполагало высокую степень нравственного развития человека и являлось источником его духовного совершенствования.

Работы Плеханова полемически направлены против тех оценок, которые давали веховцы как идеалистическому, так и материалистическому направлениям в русской философии. Таковы в первую очередь его статьи об общественной мысли эпохи 30—40-х годов.

«Тридцатые и сороковые годы являются у нас фокусом, в котором сходятся, из которого расходятся все течения русской общественной мысли» (XXIII, 29), — писал Плеханов, объясняя свой исключительный интерес к эпохе Чаадаева и славянофилов, Герцена и Белинского.

Статьей «П. Я. Чаадаев» (1908) он начал и статьями о славянофилах продолжил исследование той ветви русского идеализма, от которой веховцы выводили свое родословное дерево. В первой из них он критикует М. Гершензона за то, что тот в своей книге о Чаадаеве искажил духовный облик этого замечательного мыслителя, сосредоточив все внимание на чаадаевском мистицизме и совершенно игнорировав общественное значение его «Философических писем». Плеханов освобождал трагическую фигуру Чаадаева от веховских истолкований, ставил ее на подобающее место в истории общественной мысли и освободительного движения.

Что касается славянофилов, то здесь плехановская позиция была иной. Веховскую идеализацию их консервативной утопии, веховский призыв «назад к славянофилам»³¹⁴ Плеханов расценивал и как свидетельство дальнейшего «поправления» идеологов русской либеральной буржуазии, и как лишнее подтверждение того, что само «славянофильское учение не имеет ничего общего с прогрессом» (XXIII, 10). Он резко отвергал попытки придать славянофильству характер чисто нравственного учения, далекого якобы от земных политических проблем. «Это неверно. Ср. Самарина», «неверно», — замечал он по поводу соответствующих высказываний одного из исто-

³¹⁴ «Современный идеализм, — констатировал В. Базаров в 1910 году, — характеризуется прежде всего стремлением возродить славянофильскую традицию» (Сб. «Из истории новейшей русской литературы», М., 1910, стр. 151).

риков славянофильства³¹⁵. В ответ на слова Бердяева о том, что «славянофилы жили и мыслили так, точно Град свой они имели» (в отличие от христиан, Града взыскующих), Плеханов писал: «Это понятно. Их град — отсутствие борьбы классов»³¹⁶. Для них «православие — средство спасения от борьбы классов»³¹⁷. В большой работе «М. Н. Погодин и борьба классов» (1911), в рецензиях на работы М. Гершензона о Киреевском и Н. Бердяева о Хомякове Плеханов подробно обосновал оценку славянофильства как учения, из которого «выросла вся та политическая идеология, на которую донныне опираются наши враги народной свободы и народного просвещения» (XXIII, 103)³¹⁸.

В работах о Белинском, написанных в 90-е годы, Плеханов отчасти повторяет, отчасти углубляет и дополняет положения своих работ 90-х годов («Белинский и разумная действительность» и «Литературные взгляды В. Г. Белинского») в свете новых данных и новых требований, выдвинутых условиями общественно-литературной борьбы начала века. Уже первая из них «Виссарион Григорьевич Белинский» (1909), с одной стороны обобщает то, что содержалось в ранних работах (в основном по вопросу о «примирительном периоде» и об «эстетическом кодексе» Белинского), а с другой — намечает круг вопросов и проблем, которые будут подробно освещены в последующих статьях. Эти новые вопросы — Белинский и материализм Фейербаха, Белинский и славянофилы, Белинский и народ, революционный демократизм Белинского.

Прослеживая развитие общественно-философских и эстетических взглядов Белинского, Плеханов более определенно, чем в прежних работах, говорит о переходе критика в середине 1840-х годов на позиции феербаховского материализма. Примерно с 1844—1846 гг. Белинский начинает высказываться как убежденный материалист и там, где решает основные вопросы философии, и там, где формулирует задачи эстетики

³¹⁵ БДП, В. 4443. Г. А. Максимович, Учение первых славянофилов, Киев, 1907, стр. 32, 122.

³¹⁶ Там же, Б. 3626. Н. Бердяев, Алексей Степанович Хомяков, М., 1912, стр. 15.

³¹⁷ Там же, В. 4443, стр. 109—110.

³¹⁸ На слова Гершензона о том, что учение славянофилов о личности содержало в себе «гениальное прозрение, на полвека опередившее работу науки», Плеханов отвечал: «Опередившее выводы нынешней философской реакции» (БДП, В. 4655, М. Гершензон, Исторические записки, М., 1910, стр. 39). Там же Гершензон пытался реабилитировать «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и доказать, что гоголевский политический консерватизм и его этическая программа борьбы со злом были неверно поняты. «Наоборот, очень верно», «Эта «формула прогресса» должна была по справедливости возмутить Белинского», — замечал Плеханов (стр. 103, 114).

и литературы (XXIII, 160—161, 215). Своеобразие философской позиции зрелого Белинского заключается, по мысли Плеханова, в сочетании материализма с сильными элементами диалектики. Идеиный кризис, пережитый Белинским в 1840—1841 гг. и его разрыв с «философским колпаком» Гегеля означал отказ от абсолютных выводов немецкого мыслителя, но не от его диалектического метода³¹⁹. Последний был удержан Белинским и поставлен в связь с новыми философскими взглядами. «У Белинского, — замечал Плеханов, — очень сильна была диалектическая закваска, — сильнее, чем у самого Фейербаха» (V, 334).

Уточнение философской позиции критика позволило Плеханову глубже охарактеризовать в новых работах эстетику и критический метод Белинского. Если теоретической основой борьбы молодого Белинского за реализм Плеханов по-прежнему считает немецкую классическую эстетику в лице прежде всего Гегеля (XXIII, 148), то борьбу Белинского 40-х годов за натуральную школу он связывает уже в основном с кругом материалистических идей критика. Если в статьях 90-х годов Плеханов делал акцент на постоянстве, «неизменности» эстетического кодекса критика, то теперь он отмечает, что «сам Белинский не всегда одинаково интерпретировал свой эстетический кодекс» (XXIII, 158): так, ключевая в его эстетической системе категория «действительности» понималась идеалистически Белинским в 30-е годы и материалистически — с середины 40-х годов (XXIII, 215, 226). У зрелого Белинского Плеханов находит новые формулировки, касающиеся сущности искусства и его назначения, хотя и не всегда правильно их оценивает. (Он критикует, в частности, выдвинутое Белинским требование идейной действительности и целенаправленности искусства как имеющее якобы чисто просветительский характер). К материализму в сочетании с диалектическим взглядом на вещи возводит Плеханов также усиление социологического начала в критическом методе Белинского³²⁰.

Высшая оценка Плехановым философии, социологии и эстетики Белинского 40-х годов противостояла идеалистической версии о «двух Белинских», в свете которой материалистический период выглядел как период деградации и падения критика³²¹.

³¹⁹ Восстание Белинского против Гегеля и правых гегельянцев «показывает замечательную самостоятельность его мысли. Восстание естественно началось с эстетики, потому что ею больше всего занимался Белинский» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 146).

³²⁰ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 143.

³²¹ См. А. Евлахов, Принципы эстетики Белинского, Варшава, 1912; Ю. Айхенвальд, Силуэты русских писателей, вып. III, изд. 2-е, М., 1913.

Материалистическая и диалектическая основа мировоззрения Белинского 40-х годов делала его в философском плане противником славянофильской школы. Он был противником этой школы с её философией застоя, созданной «идеологами помещичьего сословия», и как «гениальный русский разночинец, инстинктивно стремившийся, по крайней мере духовно, примкнуть к тому великому социальному движению, в котором выразилась тогда свойственная западному обществу непрерывная борьба классов. Белинского увлекало то, что пугало славянофилов» (XXIII, 190). «Вздором» называл Плеханов рассуждения Кавелина и некоторых исследователей начала XX века о славянофильстве Белинского³²².

Современники Белинского — славянофилы и либеральные западники вроде Анненкова, цепляясь за резкие выражения критика по поводу отрицательных черт народного характера, считали возможным читать ему наставления насчет любви к народу. На том же основании и некоторые историки общественной мысли (например, Ч. Ветринский в своей книге о Грановском) изображали Белинского представителем чуть ли не антидемократического направления в кружке западников. Восстанавливая истину, Плеханов приходил к выводу, что «крайний во всех чувствах, Белинский и глубиной симпатии к угнетенному народу превосходил остальных членов западного кружка» (XXIII, 141) и что внушать такому человеку любовь к народу — «это было то же самое, что возить воду в море» (XXIII, 221).

В доказательство Плеханов ссылался, между прочим, на мысли Белинского о народной поэзии. «На него клеветали, когда говорили, что он с презрением смотрел на русский народ. Он утверждал, что «из памятников русской народной поэзии можно доказать великий и могучий дух народа» и что «вся наша народная поэзия есть живое свидетельство бесконечной силы духа» (XXIII, 188). Отношение Белинского к народу Плеханов сравнивал с отношением к нему революционеров 70-х годов³²³.

В плехановских работах 900-х годов более рельефно, чем в ранних легальных статьях, вырисовывается фигура Белинского — революционного разночинца. Плеханов развивает близкую к ленинской концепцию, определяющую место Белин-

ского в истории демократического движения. В то же время, несмотря на ясное понимание демократизма и революционности Белинского, он не дорабатывается до понятия революционного демократизма как идеологии, связанной с интересами и настроениями широких крестьянских масс. Это обстоятельство притупляло плехановскую критику идеологии «Вех», их концепции об «интеллигентской» природе революционных взглядов и стремлений Белинского и других демократов.

«В его лице, — говорил Плеханов в речи 1898 года, — выступает на сцену слой разночинцев, которому суждено было играть такую крупную роль в нашем общественном движении 60 и 70 гг. Первый представитель его, он сразу обнаружил всю страстность и всю революционную энергию, которые так свойственны были нашим разночинцам последних десятилетий. В этом отношении он далеко оставил за собою своих друзей из образованного и гуманного дворянства»³²⁴. Этот взгляд, по цензурным условиям не получивший выражения в легальных статьях 90-х годов, отчетливо сказался, например, в работе «Виссарий Белинский и Валериан Майков» (1911), где Плеханов говорит о «революционной природе» Белинского, сочувствовавшего любым проявлениям классовой борьбы и любым, самым «грозным требованиям» народа (XXIII, 256). По мнению Плеханова, «Белинский становится революционером» сразу после разрыва с «философским колпаком» Гегеля³²⁵ и остается им вплоть до последних дней, когда он пишет свое «знаменитое письмо к Гоголю, полное такого страстного революционного протеста» (XXIII, 199). Плеханов много сделал для развенчания либеральной легенды, к созданию которой приложили руку современники критика (Анненков, Тургенев, Кавелин) и исследователи либерального толка последующего времени (Венгеров, Пыпин, Ашевский, Ветринский) и суть которой сводилась к искажению и принижению значения Белинского как мыслителя-революционера³²⁶.

Пафос последних работ Плеханова, определяющий в значительной степени их содержание, заключается в раскрытии редкого умственного величия Белинского, в утверждении его значения как гениального мыслителя, который «обнаружил

³²⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 132.

³²⁵ Там же, стр. 133.

³²⁶ «Самый верный отзыв о Белинском», — записал Плеханов по поводу слов кн. Вяземского о том, что «Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах» (БДП, Д. 6131. С. Ашевский, Белинский в оценке его современников, СПб., 1911, стр. 82). Подробнее о критике Плехановым либеральных трактовок Белинского см. в нашем сообщении «Из материалов архива Дома Плеханова. Г. В. Плеханов и В. Г. Белинский». — «Русская литература», 1971, № 2, стр. 142—146.

³²² БДП, Б. 3760. К. Д. Кавелин, Собр. соч., т. 3, СПб., 1899, стр. 1163. По поводу слов Ашевского: «Вступив с Майковым в полемику, он даже явился защитником некоторых славянофильских взглядов», Плеханов записал на полях: «Что за вздор» (там же, Д. 6131, С. Ашевский, Белинский в оценке его современников, СПб., 1911, стр. 101).

³²³ БДП, Д. 6197. А. Н. Пыпин, Белинский, его жизнь и переписка, т. II, СПб., 1876, стр. 125.

изумительную проницательность в постановке, — если не в решении, — самых глубоких и самых важных вопросов нашего общественного развития» (XXIII, 166). В противоположность Анненкову, Михайловскому, Венгеру и др., ценившим почти исключительно моральную проповедь Белинского, его «великое сердце», Плеханов указывал на глубины философской мысли, на гениальный ум Белинского. «По моему твердому утверждению, он... ясно сознавал и даже формулировал то, что можно было назвать тогда пролегоменами всякой будущей социологии, которая захочет выступать как наука. В его время таким сознанием мог обладать только гениальный мыслитель» (XXIII, 264), — писал Плеханов в рецензии на книгу Ашевского, подтверждая этот вывод всем содержанием всех своих работ о Белинском. В теоретической деятельности Белинского Плеханов справедливо видел начало того пути, который привел передовую русскую мысль к созданию правильной революционной теории. Характеризуя в статье «Виссарион Белинский и Валериан Майков» общее направление философских исканий последнего, он писал: «Направление это резко разошлось с тем, по которому шла сначала мысль Белинского, потом Чернышевского и Добролюбова и, наконец, русских марксистов» (XXIII, 258).

Драматические искания Белинского Плеханов рассматривал прежде всего в этой перспективе и в масштабе общего движения европейской философской мысли, предшествовавшего возникновению философии марксизма. Этим и вызывалось в первую очередь стремление Плеханова исследовать и раскрыть связи русского мыслителя с гегелевской диалектикой и фейербаховским материализмом. При таком подходе выявлялись преимущественно общие линии и акцент делался на чертах сходства, а не различия (что не всегда учитывается при решении вопроса об определении Плехановым меры «самостоятельности» Белинского³²⁷). В условиях литературно-общественной борьбы начала XX века такой аспект освещения философского наследия Белинского имел и антивеховский смысл: как известно, авторы «Вех» резко противопоставляли школе Белинского — Чернышевского, русской «субъективной школе» и марксизму, восходящим якобы к поверхностно усвоенным западным образцам, оторванным «от мировой философской традиции» и лишенным национальных корней, религиозную философию «истинно русских мыслителей» — Чаадаева и славянофилов, В. Соловьева и Достоевского, Тру-

³²⁷ Ещё в 1897 году Плеханов писал: «Очень ошибаются те, кто думает, что, подчинившись влиянию Гегеля, Белинский отказался от всякой самостоятельности в суждениях» (X, 266). См. также XXIII, 210.

бецкого и Лосского³²⁸. Плеханов же показывал, что, творчески используя высшие завоевания домарксовской европейской философской мысли, Белинский, а за ним Чернышевский и Добролюбов успешно решали важнейшие проблемы русской жизни.

Хотя в последних работах Плеханова о критике прямая полемика занимала сравнительно немного места, их основные положения по своему существу были полемически направлены против мифа о Белинском, который был создан в 90-е годы декадентами и легальными народниками и без особых изменений дожил до 900-х годов.

«Белинский, один из отцов русской интеллигенции, плохо знал философию, и не обладал философским методом мышления»³²⁹, — писал в «Вехах» Н. Бердяев, почти дословно повторяя измышления Волынского в его книге «Русские критики» (1896). «Сила и величие Белинского, — по мнению Е. Колтоновской, — заключается, конечно, не во взглядах, не в тех или иных теориях, а в его нравственной сущности, в его исключительной альтруистической натуре и органически светлом идеализме»³³⁰. Наряду с этим делались по-прежнему попытки изобразить Белинского предшественником русской субъективной школы, предтечей Михайловского и Лаврова. «Белинский был предтечей и отчасти провозвестником своеобразной русской социалистической школы, которая позднее окристаллизовалась в трудах Герцена, Чернышевского, Лаврова, Михайловского и их последователей. В этом особенное значение Белинского, и оно до сих пор еще мало оценено», — писал, например, легальный марксист В. Ангарский, нападая на Плеханова за его стремление, как он выражался, «причислить Белинского к сонму единоверцев по марксистской церкви»³³¹.

Все это лишний раз подтверждает, насколько важными и злободневными были те вопросы, которые ставил и по-марксистски решал Плеханов с своих работ о Белинском. Об этом же свидетельствуют и многочисленные отклики на статьи Плеханова. Помимо Ангарского, с критикой отдельных положений плехановских работ (оценка «примирительного периода», Белинский и диалектика Гегеля, вероятный ход социально-философской эволюции критика, критический метод Белинского и т. п.) выступили в 900-е годы либеральные народники

³²⁸ См. «Вехи», М., 1909, стр. 4—19.

³²⁹ Там же, стр. 4.

³³⁰ Е. А. Колтоновская, Критические этюды, СПб., 1911, стр. 112.

³³¹ «Современник», 1912, № 1, стр. 359—360. Аналогичный взгляд Иванова-Разумника на Белинского как на предтечу Михайловского Плеханов резко критиковал в своей статье «Идеология мещанина нашего времени» (XIV, 294, 324).

В. Богучарский и рецензент «Русского богатства» (по-видимому, Н. Русанов), ликвидатор М. Неведомский и «имманентный» идеалист Ю. Айхенвальд³³². В рецензиях Е. Ляцкого, Л. Клейнборта и других по достоинству оценивалась если не глубина, то новизна плехановской трактовки Белинского³³³.

2. Чернышевский и Добролюбов

В качестве второго узлового момента в истории русской общественной мысли Плеханов выделял эпоху 60-х годов. Мироззрение главы и руководителя демократического движения этой эпохи — Н. Г. Чернышевского и его младшего единомышленника Н. А. Добролюбова он анализировал и очищал от фальсификации в целом ряде своих работ. По своему значению в общественно-литературной борьбе 900-х годов выделяются большое исследование «Н. Г. Чернышевский» (1909) и статья «Добролюбов и Островский» (1911).

В годы борьбы с идеологией контрреволюционного либерализма и философской реакцией фигура Чернышевского, проблемы его мироззрения и деятельности, выдвинулись на одно из первых мест. И, конечно, не случайно. Чернышевский был самым крупным и ярким выразителем тех революционно-демократических и материалистических традиций, которые продолжали и развивали русские марксисты и на которые ополчались веховцы. Этим объясняется напряженный интерес к наследию Чернышевского со стороны тех и других.

Из трудов Ленина 900-х годов возникает целостный облик Чернышевского — великого мыслителя-материалиста и революционного демократа³³⁴. Плеханов в своей книге (и в прилегающей к ней статьях) освещал преимущественно теоретическую деятельность Чернышевского, что было отмечено Лениным как её недостаток³³⁵, — не потому, что деятельность эта не заслуживала серьезного внимания, а потому, что при этом у Плеханова оставалась в тени практически-революцион-

³³² См. В. Я. Богучарский, Три западника сороковых годов. СПб., 1901, стр. 75—95; «Русское богатство», 1909, № 12; М. Неведомский, К столетней годовщине В. Г. Белинского. — «Наша заря», 1911, № 5; Ю. Айхенвальд, Силуэты русских писателей, вып. III, М., 1913, стр. 86.

³³³ См. «Вестник Европы», 1905, № 10; «Образование», 1905, № 10; «Книга», 1906, № 6.

³³⁴ См. Б. Мейлах, Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв., Лениздат, 1956, стр. 275—282.

³³⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 550, 560.

ная деятельность Чернышевского и приглушалась революционная суть его теории. Само по себе освещение теоретических (и особенно философских) взглядов Чернышевского было одной из насущных потребностей марксистской мысли начала века³³⁶.

В этот исторический период веховцы и другие противники материализма настойчиво продолжали линию на «уничтожение» Чернышевского-философа, начатую Вольнским, этим, по словам Плеханова, «предтечей всех тех многочисленных теперь в нашей литературе философских недоучек, которые под самыми разноцветными идеалистическими знаменами ведут атаку против материализма» (V, 206). Они твердили о том, что «в 60-е годы философия была в загоне и в упадке, презирался Юркевич, который во всяком случае был настоящим философом по сравнению с Чернышевским» (Бердяев)³³⁷, что Чернышевский-мыслитель отличался якобы «догматическим складом ума и элементарностью самой точки зрения» (Струве) и т. п. Если в работах Иванова-Разумника Чернышевский изображался философским предшественником Михайловского и Лаврова, то Струве ставил этих основателей субъективной школы «значительно выше» Чернышевского и писал, что «марксизм Бельтова есть возврат к Чернышевскому, т. е. к самой элементарной философской точке зрения из всех, господствовавших в русском позитивизме»³³⁸. Дискредитировалась — опять-таки вслед за Вольнским — и материалистическая эстетика Чернышевского; его диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности» объявлялась «наивным, ученическим произведением»³³⁹.

Все эти измышления воинствующих идеалистов были убедительно опровергнуты и решительно отвергнуты в работах Плеханова. В его исследовании Чернышевский охарактеризован как замечательный философ-материалист, прошедший школу классической немецкой философии, усвоивший и развивший идеи феербаховского материализма. Отмечая его заслуги перед философской мыслью, Плеханов указывал на «жизнеспособный зародыш материалистической диалектики» в общепhilosophических и на зачатки материализма в историче-

³³⁶ Как известно, осенью 1908 года Ленин намеревался написать статью о философских взглядах Чернышевского, а в период работы над трудом «Материализм и эмпириокритицизм» считал «крайне важным противопоставить махистам Чернышевского» (см. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 47, стр. 166; т. 55, стр. 284).

³³⁷ «Вехи», М., 1909, стр. 4.

³³⁸ П. Струве, Patriotica, СПб., 1911, стр. 337.

³³⁹ Р. Иванов-Разумник, История русской общественной мысли, т. 2, СПб., 1908, стр. 53.

ских взглядах Чернышевского (V, 231, 255), что представляло значительный шаг вперед и от Гегеля, и от Фейербаха. Статью «Антропологический принцип в философии» Плеханов называл «смелой и яркой по своему содержанию» (V, 205), а о работе «Критика философских предубеждений против общинного землевладения» замечал, что в ней Чернышевский «выступает блестящим диалектиком» (V, 232). По глубокому убеждению Плеханова, философская «мысль Чернышевского шла по тому же самому пути, который привел западноевропейскую мысль к марксизму» (VI, 381). В объяснении некоторых общественных явлений «взгляды нашего автора, — пишет Плеханов, — поразительно совпадают со взглядами Маркса и Энгельса» (V, 260); в то же время они, взятые в целом, значительно превосходят взгляды теоретиков субъективной школы (V, 131, 202, 226, 248)³⁴⁰.

Особо выделял Плеханов гносеологический аспект материалистической теории Чернышевского, связывая его рассмотрение с критикой современных идеалистических и квазимарксистских школ, тянувших философскую мысль «назад к Канту», стремившихся «дополнить» марксизм кантианством. Чернышевский, по словам Плеханова, не только доказал теоретическую несостоятельность «метафизической теории Канта о субъективности нашего знания», но и поставил кантовский «иллюзионизм» в причинную связь с упадком того общественного класса, идеологами которого служат, в огромнейшем большинстве своем, философы нашего времени» (V, 236). Он «несравненно лучше понимал зависимость философской мысли от общественной жизни, нежели те наши нынешние «критики Маркса», которые не могут сообразить, что идеология пролетариата никак не может срастись в одно органическое целое с философскими доктринами, заимствуемыми из идеологии падающей буржуазии» (V, 236).

В книге Плеханова давались — впервые в материалистической литературе — развернутое изложение и критический анализ тех доводов, с которыми выступил в свое время против Чернышевского Юркевич и на которые безоглядно ссылались Волынский, Бердяев и другие. «Нужно быть г. Волынским или одним из его нынешних многочисленных «жвачных» последователей, чтобы считать доводы Юркевича неопровер-

жимыми, — заключал Плеханов свой разбор полемики. — На самом деле эти доводы даже не поколебали, — об опровержении нечего уже и говорить, — ни одного из основных положений Чернышевского» (V, 214).

Эстетика Чернышевского, с точки зрения Плеханова, — одно из самых ярких выражений его материализма. В своей диссертации Чернышевский бросил «чрезвычайно пронизательный взгляд на вопрос об отношении сознания к бытию в области эстетики» (V, 319). Этим он не только не разрушил эстетики как науки (как вслед за Писаревым охотно утверждали противники материализма), но, напротив, поставил её на прочное научное основание. В особенности высоко оценивал Плеханов блестящие страницы диссертации, в которых выяснялась зависимость эстетических вкусов, понятий о красоте от условий общественной жизни. Если бы Чернышевский «захотел обдумать этот вопрос со всех сторон, то он оказался бы по крайней мере на пути к тому, чтобы совершить величайший переворот в эстетике, т. е. окончательно изгнать из неё идеализм и сделать её материалистической. Но тот материалистический метод, которого он держался, был еще недостаточно разработан» (VI, 320), то есть не был последовательно распространен на область истории. В этом — историческая ограниченность эстетической теории Чернышевского, не свободной от элементов метафизики и антропологизма³⁴¹.

Пафос диссертации — эстетическую реабилитацию действительности — Плеханов связывает преимущественно с фейербаховским материализмом³⁴², а некоторые её положения — с эстетикой Гегеля. Однако всё существенное в конкретном содержании работы он выводит в основном из другого источника. Им являются эстетические и литературно-критические взгляды позднего Белинского, которые усваиваются молодым

³⁴¹ Подробнее о плехановской оценке эстетики Чернышевского см. в нашем сообщении: «Из материалов архива Дома Плеханова. Г. В. Плеханов о диссертации Н. Г. Чернышевского». — «Русская литература», 1971, № 2, стр. 146—149.

³⁴² Следует учитывать, что в работах о Чернышевском Плеханов одновременно доказывал материалистическую природу учения Фейербаха, которая оспаривалась в начале XX века многими. Народник Н. Русанов в статье-рецензии «Ученики Маркса о Чернышевском» писал о том, что «г. Плеханов чересчур просто и легко зачисляет его в ряды чистокровных материалистов». По его мнению, «в мировоззрении Фейербаха легче найти хотя бы элементы учения о чистом опыте, как оно было развито впоследствии школой Авенариуса, столь нелюбимой г. Плехановым, чем законченную систему материализма» («Русское богатство», 1909, № 11, отд. II, стр. 50, 52). См. также: П. А. Берлин, Германия накануне революции 1848 г., СПб., 1906, стр. 228—229. Этим отчасти объясняется то непропорционально большое место, которое занимает в работах Плеханова о Чернышевском тема Фейербаха.

³⁴⁰ Некоторым рецензентам плехановская критика Михайловского и русской «субъективной школы» казалась запоздалой и излишней. Однако она имела некоторый резон в свете делавшихся в это время попыток представить Михайловского предтечей «эмпириокритической школы Маха—Авенариуса» (см. В. Чернов, Философские и социологические этюды, М., 1907; А. Морев, Философская самокритика марксизма, СПб., 1909; сб. «Вехи» как знамение времени», М., 1910).

Чернышевским и кладутся им в основу «Эстетических отношений», развиваются в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (V, 328—329). Самым крепким из тех звеньев, которые связывали эстетику и критику Чернышевского с критической деятельностью Белинского, Плеханов называет отрицательное отношение к теории искусства для искусства.

Как и в работах о Белинском, Плеханов неверно оценил те моменты «просветительской эстетики» Чернышевского, которые состояли в требовании к художнику давать известное направление взгляду читателя на жизнь и произносить приговор о явлениях жизни. Во всяком случае он не дал им — как и вообще эстетике и критическим взглядам Чернышевского — четкого социологического объяснения, не увязал их прочно с сильными и слабыми сторонами Чернышевского как выразителя идей и идеалов крестьянской демократии.

Полемическую окраску имели плехановские оценки критических работ Чернышевского и романа «Что делать?». Работу «Очерки гоголевского периода русской литературы», которую веховцы третируют как «памфлет, который ищет не познать истину, а только известным подбором и освещением фактов доставить победу своему предвзятому убеждению»³⁴³, Плеханов отнес к числу «замечательнейших произведений Чернышевского» (V, 161). Блестящими образцами демократической критики он считал такие статьи, как «Русский человек на rendez-vous» и «Не начало ли перемены?». Последняя, по мнению Плеханова, не только содержала глубокую оценку творчества Н. Успенского, но и содействовала «возникновению того демократического течения в нашей литературе, которому русский «передовой человек» обязан был всем тем, что знал о нашей народной жизни» (VI, 241). Отвергая мнение Скабичевского и ему подобных об отсутствии у Чернышевского художественного чутья, «эстетической жилки», Плеханов ссылаясь на статьи о Толстом, в которых критик-демократ «сумел не только оценить талант Толстого, но и тонко подметить самую замечательную его черту» (V, 362).

Даже рецензенты, склонные оценивать книгу Плеханова скорее критически, признавали ценность её разделов об эстетических и литературных взглядах Чернышевского. По мнению Ч. Ветринского, эти разделы «стоят почти вне спора»³⁴⁴. Н. Русанов писал: «Под положительной стороною этих страниц может подписаться всякий из нас, кому дорога память

³⁴³ М. Гершензон, Предисловие к кн.: Г. Лансон, Метод в истории литературы, М., 1911, стр. 61—62.

³⁴⁴ «Критическое обозрение», 1909, вып. VIII (декабрь), стр. 36.

Чернышевского и кто знает, какую легенду о литературном безвкуси Н. Г. приверженцы никогда не существовавшего в действительности искусства для искусства пытались создать с самых 60-х годов»³⁴⁵.

В статье «Идеология мещанина нашего времени» Плеханов выступил в защиту романа Чернышевского «Что делать?» от нападок Иванова-Разумника, назвавшего его «намеренно лубочным произведением»³⁴⁶. «Назвать его лубочным произведением может только тот, кто сам одарен от природы совершенно лубочным вкусом» (XIV, 310), — писал Плеханов, указывая на то, что в романе много ума, наблюдательности, иронии и благородного энтузиазма. В своей книге Плеханов напоминал, что на долю романа «выпал огромный успех, и он имел поистине колоссальное и в высшей степени благородное влияние на молодых читателей 70-х и 80-х годов» (V, 179). Возражая «нашим обскурантам и декадентам», имевшим привычку «презрительно пожимать плечами по поводу этого знаменитого произведения ввиду будто бы полного отсутствия в нем художественных достоинств», Плеханов замечал, что для того, чтобы правильно судить о романе, надо правильно понимать его жанровую природу и сравнивать его «не с художественными произведениями Тургенева, Достоевского или Толстого, а, например, с философскими романами Вольтера. При таком сравнении вопрос об его достоинствах представится в совершенно другом свете» (V, 292). В основу содержания романа, по мнению Плеханова, легли те же самые философские и этические взгляды Чернышевского, которые он развивал в своих теоретических работах (V, 311). Правильно оценив историческое значение романа «Что делать?», Плеханов использовал его в борьбе с современной литературной реакцией. В рецензии на «Исторические записки» М. Гершензона, касаясь обвинения «западников, или рационалистов» в «грубом» материализме, в пренебрежении к вопросам «внутреннего устройства личности», Плеханов писал: «В самом деле, достаточно прочесть хотя бы роман Чернышевского «Что делать?», заключающий в себе целый кодекс самой передовой и самой последовательной «западнической» морали 60-х годов, чтобы видеть, как сильно и как неудачно клеветает на «западников» г. М. Гершензон, обвиняющий их в полном невнимании к устройению собственного духа. Действующие лица этого романа, — то есть, конечно, его положительные типы, — не только не были невнимательны к вопросам.

³⁴⁵ «Русское богатство», 1909, № 11, отд. II, стр. 70.

³⁴⁶ Р. Иванов-Разумник, История русской общественной мысли, т. 2, СПб., 1908, стр. 9.

касающимся устройства собственного духа, но, напротив, занимались ими с величайшим вниманием (XXIII, 39).

Таковы были те основные линии, по которым Плеханов анализировал философские, эстетические и критические взгляды Чернышевского, стремясь дать им объективную марксистскую оценку и очистить от предвзятых истолкований и просто злобно-клеветнических искажений. Именно здесь, в анализе этого круга вопросов, были сильнейшие стороны книги Плеханова о Чернышевском, выгодно отличавшие её от появившихся почти одновременно монографий Ю. М. Стеклова и М. Антонова (М. И. Булгакова)³⁴⁷. Даже идейный противник Плеханова народник Н. Русанов не мог не признать, что его книга «должна быть по обилию и талантливой обработке материала, живому и остроумному изложению отнесена к выдающимся произведениям в научно-литературной области»³⁴⁸. С глубоким удовлетворением встретили плехановское исследование многие из современников. «Поистине классическое произведение», — с преувеличением, понятным для ученицы Плеханова, писала Л. И. Аксельрод³⁴⁹. Но вот отзывы людей, настроенных более объективно. И. Н. Бороздин, называя книгу Плеханова «капитальным трудом», говорил о её первых двух отделах: «в них чрезвычайно много ценных и глубоких мыслей, выпукло выраженных и мастерски комбинированных»³⁵⁰. «Превосходная книга, — характеризовал работу Плеханова Н. А. Рубакин в письме к её автору. — Можно лишь удивляться Вашей удивительной работоспособности и уменью так быстро, глубоко и оригинально проникать в самые запутанные вопросы, стремясь к вечной истине и не упускающая из виду злобу дня»³⁵¹.

Одним из самых вдумчивых читателей книги Плеханова был В. И. Ленин, замечания которого (ставшие известными в 1933 году) коснулись почти всех её разделов. Внимание Ленина привлекли: изложение философских взглядов «вели-

кого русского гегельянца и материалиста», «ученика Фейербаха»³⁵² (в нем Ленин отметил ряд неточностей) и разбор полемики Чернышевского с Юркевичем, сопоставление взглядов Чернышевского и Маркса, мысли Плеханова о значении игры для материалистического объяснения искусства и о характере публицистической критики 60-х годов³⁵³. Наиболее серьезные возражения Ленина вызвали разделы книги, посвященные социально-политическим взглядам Чернышевского, и некоторые особенности общей методологии Плеханова.

Действительно, здесь Плехановым были допущены крупные ошибки, объяснявшиеся как его схематичным, местами скорее рационально-«просветительским», чем социолого-марксистским методом анализа учения Чернышевского³⁵⁴, так и определенным воздействием меньшевистских догм. В то же время следует подчеркнуть, что даже эта часть книги Плеханова состояла не из одних ошибок.

Плеханов занял правильную позицию в споре о характере социализма Чернышевского. Он выступил против распространенной в 90-е и 900-е годы концепции, которая стирала грань между утопическим социализмом Чернышевского и научным социализмом Маркса³⁵⁵, — и В. И. Ленин прямо и косвенно поддержал плехановскую точку зрения³⁵⁶. «Его мысль еще не вышла за пределы утопического социализма, — говорил Плеханов о Чернышевском, — хотя в этих пределах она обнаруживала огромную ясность, смелость и критическую силу» (VI, 3—4). Вместе с тем Плеханов оттенил некоторые особенности

³⁵² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 381.

³⁵³ Там же, т. 29, стр. 543, 545, 551, 554 и др.

³⁵⁴ «Подобно своему учителю (Фейербаху — Н. Г.), Чернышевский тоже сосредоточивает свое внимание почти исключительно на «теоретической» деятельности человечества» (V, 297), — писал Плеханов, называя такой подход «просветительским». «Таков же недостаток книги Плеханова о Чернышевском», — указывал в этой связи В. И. Ленин (Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 550).

³⁵⁵ Орган экономистов «Рабочая мысль» называл Чернышевского «основателем рабочего социализма в России» (1899, № 7, июль, стр. 1) и с этих позиций резко критиковал первые работы Плеханова о нем (Отдельное приложение к «Рабочей мысли», 1899, сентябрь, стр. 17—25). В 900-е годы утопический характер социализма Чернышевского оспаривали Анненский и Туган-Барановский (сб. «Памяти Н. Г. Чернышевского», СПб., 1910), Иванов-Разумник и Стеклов. С двумя последними Плеханов полемизировал также в статьях «Идеология мещанина нашего времени» и «Еще о Чернышевском» (1910).

³⁵⁶ Прямо — в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (1899), косвенно — в характеристике Чернышевского как социалиста-утописта («Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, 1911) и в критических замечаниях на книгу Стеклова (Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 582, 589).

³⁴⁷ Ю. М. Стеклов, Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889), СПб., 1909; М. Антонов, Н. Г. Чернышевский. Социально-философский этюд, М., 1910. Экземпляр книги Стеклова, хранящийся в Доме Плеханова, (Д. 6216), испещрен критическими замечаниями Плеханова, многие из которых близки к ленинским.

³⁴⁸ «Русское богатство», 1909, № 11, отд. II, стр. 70.

³⁴⁹ АДП, № 1184, ед. хр. В. 10.128, л. 5.

³⁵⁰ Там же, № 4389, ед. хр. В. 64.3, л. 1.

³⁵¹ Там же, № 3083, ед. хр. В. 371. 2, л. 1. О большом успехе книги Плеханову сообщал Д. Вайс (изд-во «Шиповник») в письме от 14 октября 1909 года: «Хотя Ваша книга продается всего лишь три дня, но для нас уже ясно, что успех её необычайный. Её ждали с большим нетерпением и встретили с большим интересом» (там же, № 4085, ед. хр. Г. 72. 7, л. 1).

Чернышевского-социалиста в сравнении с представителями западноевропейского утопического социализма (главная из них — понимание иллюзорности реформаторства и ориентация на революционную борьбу классов). Он характеризовал Чернышевского как руководителя русской передовой журналистики 60-х годов, которая «горячо защищала крестьянские интересы», и как «признанного главу крайней партии»; Чернышевский, по его мнению, решал социальный вопрос с точки зрения интересов народа и был «человеком непримиримой политической борьбы» (V, 162, 175; VI, 64, 337). Все эти суждения Плеханова тоже были отмечены В. И. Лениным³⁵⁷.

Однако в целом фигура Чернышевского — революционного демократа и беспощадного критика либерального реформизма оказалась у Плеханова освещенной слабо и неярко. «Изда теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа»³⁵⁸. Это обстоятельство значительно снижало научную ценность и общественную актуальность труда Плеханова.

Н. А. Добролюбову, младшему соратнику Чернышевского, Плеханов посвятил статью «Добролюбов и Островский», помещенную осенью 1911 года в журнале «Студия».

В центре работы — анализ критического метода Добролюбова в свете общих основ его мировоззрения, а также добролюбовских оценок драматургии Островского. Выбор этих аспектов исследования диктовался, конечно, не только тем внешним обстоятельством, что в июне 1911 года исполнялось 25 лет со дня смерти драматурга, а в ноябре — 50 лет со дня смерти критика, но прежде всего тем, что именно по этим линиям шли в канун и во время этих двух юбилеев нападки на Добролюбова. Преобладающий смысл нападков состоял в том, что Добролюбов будто бы был вовсе не критиком, а публицистом и уже по одному этому не мог дать правильной оценки литературной деятельности Островского.

В противовес тенденции, наметившейся в русской критической литературе еще в 60-е годы, четко обозначившейся в эпоху 70—80-х годов и давшей о себе знать в дни добролюбовского юбилея, — тенденции объявлять Добролюбова галантливым публицистом и отказывать ему в звании критика³⁵⁹, — Плеханов подчеркивал: «Нет, он был не только

блестящим публицистом; он был также прекрасным литературным критиком» (XXIV, 59). «Его эстетические суждения, — замечал он в другом месте, — поражают своей меткостью. Как Белинский дал лучший эстетический разбор сочинений Гоголя, так Добролюбов написал лучший в эстетическом смысле разбор сочинений Островского» (XXIV, 49—50).

Своей работой Плеханов выступил также против того «пересмотра» критических оценок Добролюбова, который приняла в 70—80-е годы народническая критика, отвергнувшая добролюбовские концепции творчества Тургенева и Достоевского (Михайловский) и Островского (Скабичевский)³⁶⁰. Такой «пересмотр» имел место и в 1911 году. В статье Н. Николаева «Значение А. Н. Островского в русской литературе» доказывалось, например (со ссылками на Скабичевского), что Добролюбов был «талантливым публицистом, но посредственным эстетиком» и ошибочно оценивал художественную деятельность Островского как обличение темных сторон русской жизни («нет надобности доказывать односторонность подобных суждений») ³⁶¹. К этому мнению несколько позже полностью присоединился Б. Варнеке, резко выражавший свое несогласие с «совершенно пристрастным и односторонним истолкованием основ творчества Островского, предельным в статьях Добролюбова». «Стоит только пристальнее взглянуть в духовный облик великого драматурга, — заявлял он, — чтобы убедиться в том, как трудно его зачислить в ряды действительных представителей обличительно-отрицательного лагеря»³⁶².

Доказывая справедливость идейной и эстетической оценки, которую дал Добролюбов пьесам Островского, Плеханов одновременно давал отпор и тем, кто стремился всячески приглушить критический пафос творчества драматурга, и тем, кто пытался превратить в либерала самого Добролюбова. К числу таких относились в это время меньшевики-ликви-

цистом, что в его статьях «литературная критика нередко была на последнем плане». — «Современник», 1911, № 12, стр. 273, 277. См. также: В. л. Крапчихфельд, Н. А. Добролюбов. — «Современный мир», 1911, № 11, стр. 291; Е. Аничков, Н. А. Добролюбов. — «Новая жизнь», 1911, № 12, стр. 154.

³⁶⁰ По Скабичевскому, главная особенность «метода критики Добролюбова» состоит в том, что «во всех его статьях на первом плане стоит публицист, критик же на самом заднем»; поэтому он не смог дать верной критической оценки Островского, рассматривал его произведения «без всякой связи с литературой и жизнью». — «Отечественные записки», 1875, № 1, отд. II, стр. 3, 5.

³⁶¹ «Киевлянин», 1911, № 305, 4 ноября.

³⁶² Б. Варнеке, Заметки об Островском, Одесса, 1912, стр. 86—87.

³⁵⁷ См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 534, 535, 556, 563, 566, 571.

³⁵⁸ Там же, стр. 560.

³⁵⁹ Е. Колтоновская в статье «Добролюбов в редакции «Современника» утверждала, что в Добролюбове «критик задавлен и вытеснен публи-

даторы, чей взгляд на деятельность Добролюбова получил наиболее четкое выражение в статье М. Неведомского «Об Н. А. Добролюбове», напечатанной в потресовской «Нашей заре» в ноябре 1911 года. Статья эта вызвала резкую отповедь в большевистской печати: Ленин назвал выступление критика-ликвидатора «новым «пересмотром» идей Добролюбова задом наперед, от демократизма к либерализму»³⁶³, большевистский журнал «Просвещение» остро и ядовито высмеял его в статье «Зачем понадобился туман?»³⁶⁴. В качестве либерала изображали Добролюбова и некоторые историки общественной мысли³⁶⁵.

Если не прямо, то косвенно, всем содержанием своей работы Плеханов тоже полемизировал с подобными попытками загромоздить Добролюбова под либерала. Отдавая должное блестящему дарованию Добролюбова-критика, глубине и меткости его эстетических суждений, он видел основной мотив его критических работ и их великое историческое значение в энергичном призыве к «решительному делу», то есть к революции (XXIV, 51). Приводя заключительные слова Добролюбова из статьи «Луч света в темном царстве» о том, что «русская жизнь и русская сила вызваны художником в «Грозе» на решительное дело», Плеханов писал: «в них весь Добролюбов... В них — вся передовая литературная критика шестидесятих годов. Разбирая лучшие художественные произведения русской литературы, критика эта стремилась вызвать «русскую силу» на решительное дело; ей хотелось показать своим читателям важность и законность этого дела» (XXIV, 58—59). Своими критическими работами Добролюбов, подобно французским просветителям XVIII века, «революционизировал головы своих современников» (XXIV, 55).

Те решения вопросов литературного наследия Добролюбова, которые предложил Плеханов в 1911 году в полемике с явными врагами и мнимыми друзьями критика, в большинстве случаев оказались окончательными и в наше время споров не вызывают. В большинстве случаев, но не во всех. До сих пор, в частности, открытым остается вопрос об оценке Плехановым революционной стороны деятельности и взгля-

³⁶³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 250.

³⁶⁴ Подробный обзор литературной борьбы вокруг Добролюбова в начале XX века см. в работе М. Г. Зельдовича (М. Г. Зельдович, М. В. Черняков, Н. А. Добролюбов. Семинарий, Изд-во Харьковского ун-та, 1961, стр. 63—103). В обзоре не учтена статья «Памяти Н. А. Добролюбова», появившаяся в большевистской газете «Звезда» 22 декабря 1911 года.

³⁶⁵ «Считаясь с тем материалом, которым мы располагаем, мы можем сказать с уверенностью, что к революционной программе сердце Добролюбова не лежало», — писал, например, Н. Котляревский («Вестник Европы», 1911, № 12, стр. 271).

дов Добролюбова. Ввиду важности вопроса остановимся на нем несколько подробнее.

Был ли Добролюбов, с точки зрения Плеханова, революционером? Работы самого Плеханова, казалось бы, не оставляют на этот счет никаких сомнений. Что же другое, как не признание Добролюбова революционером, могут означать слова Плеханова о том, что в призыве к «решительному делу» — «весь Добролюбов»? что Добролюбов делает «из призыва к борьбе с самодурством призыв к радикальной общественной реформе»? (XXIV, 53). На языке легальной публицистики и критики и 60-х и начала 900-х годов «решительное дело» и «радикальная общественная реформа» означали одно и то же — революцию. И когда Плеханов в другом месте статьи пишет, что в критических работах об Островском «наш критик-просветитель придавал своей проповеди, скажем, реформаторский характер» (XXIV, 51), то это «скажем» недвусмысленно указывало, что подчеркнутое «реформаторский» следует в данном случае читать: революционный. В реферате «Островский и Добролюбов», прочитанном в том же 1911 году в Женеве, Плеханов, не стесняемый цензурой, ту же самую мысль выражал уже по-другому: «Тут публицистическая критика Добролюбова приобретает революционный характер. Произведения Островского привлекают к себе ее внимание тем, что дают богатейший материал для революционной проповеди»³⁶⁶.

Кажется, яснее не скажешь. Однако в отдельных литературоведческих работах эта сторона плехановской оценки Добролюбова часто совершенно игнорируется. Делается вид, будто ничего такого Плеханов не говорил. В статье Г. Владыкина утверждается, например, что «Плеханов представлял Добролюбова типичным критиком-просветителем, ставящим только чисто просветительские задачи... Между тем все литературно-критические статьи Добролюбова были проникнуты страстным призывом к крестьянской революции»³⁶⁷. Все дело здесь в этом метафизическом «между тем», которым Владыкин отсекает Добролюбова-революционера от Добролюбова-просветителя. А между тем у Плеханова, который диалектику учил по Гегелю, понятия «просветитель» и «революционер» вовсе не взаимоисключающие (почему он и пишет: «наш критик-просветитель придавал своей проповеди реформаторский характер»). Добролюбов был просветителем, поскольку он

³⁶⁶ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 218.

³⁶⁷ Сб. «А. Н. Островский в русской критике», Гослитиздат, М., 1953, стр. 38. Это мнение целиком поддерживает Е. Холодов в статье «Урок Добролюбова» («Театр», 1961, № 11, стр. 109).

оставался на позициях исторического идеализма, но это отнюдь не мешало ему быть революционером: чем глубже он был убежден, что «мнение правит миром», тем с большей энергией распространял он свои революционные «мнения». Другое дело, что фигура Добролюбова — «мужицкого демократа» у Плеханова оказалась освещенной слабо. Здесь сказались как недостатки плехановского метода анализа общественно-философских учений, ориентированного преимущественно на их формально-теоретическое, а не реально-историческое содержание, так и особенности идейной позиции Плеханова в 900-е годы, в частности — его ошибочные взгляды на крестьянство, непонимание им крестьянской природы первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., а в прошлом — демократического движения 1860-х годов. Все это рельефно выступает при сравнении плехановских оценок деятельности революционеров-демократов с ленинскими³⁶⁸.

Когда Плеханов говорил о «просветительстве», то имел в виду собственно одну, именно философско-историческую грань мировоззрения деятелей прошлого (в этом главное отличие плехановской концепции от ленинской, которая учитывала прежде всего социально-политическое содержание деятельности просветителей, ее антифеодальный, антикрепостнический пафос). То, что он называл Добролюбова просветителем, означало не умаление или отрицание революционности молодого сподвижника Чернышевского, а констатация его исторического идеализма. «В своей философии истории Добролюбов был, подобно Фейербаху и Чернышевскому, идеалистом. Он думал, что «мнение правит миром», что общественное сознание определяет собою общественное бытие» (XXIV, 52).

«Так ли это?» — спрашивает Е. Холодов, автор единственной в исследовательской литературе работы о плехановской оценке Добролюбова-критика. И пытается доказать, что нет, не так, а совсем напротив. Он пишет: «Если мы обратимся к статьям Добролюбова об Островском, то убедимся, что автор «Темного царства» ценил так высоко автора «Грозы» как раз за то, что «он почувствовал, что не отвлеченные верования, а жизненные факты управляют человеком». Он ценил драматурга за то, что «у него вы находите не только нравст-

³⁶⁸ Это обстоятельство, нам кажется, не до конца учтено в ценной работе В. Г. Астахова «Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский» (Сталинабад, 1961, стр. 121), содержащей положение о неантинормности понятий «просветитель» и «революционер-демократ» у Плеханова. Можно сказать так: Добролюбов у Плеханова — и революционер, и демократ, но не революционный демократ в ленинском смысле этого понятия.

венную, но и житейскую, экономическую сторону вопроса, а в этом-то и сущность дела. У него вы ясно видите, как самодурство опирается на толстой мощи, которую называют «божьем благословением», и как безответность людей перед ним определяется материальной от него зависимостью»³⁶⁹.

Все это неоспоримо и в то же время несколько не опровергает мысли Плеханова. Во-первых, те доводы, которые Е. Холодов направляет против Плеханова, все до единого приведены в статье последнего (см. XXIV, 53—56)³⁷⁰ и следуют сразу за тезисом об историческом идеализме Добролюбова. Во-вторых, сами по себе эти доводы не могут опровергнуть общего плехановского положения и доказать, что Добролюбов историческим идеалистом не был. Они доказывают другое.

Когда Плеханов говорил об историческом идеализме Добролюбова («он думал, что мнение правит миром»), то он не ставил на этом точку, как это хотят изобразить некоторые его толкователи. Точка зрения Добролюбова на историю в конечном счете была идеалистической. Но только в конечном счете. Там, где речь шла не об историческом процессе в его целом, а о его отдельных сторонах и промежуточных звеньях, критик развивал чисто материалистические взгляды. Он утверждал, что «стремления и взгляды людей определяются свойствами общественной среды» — и Плеханов отмечает, что «это вполне равносильно тому положению исторического материализма, согласно которому общественное сознание определяется общественным бытием» (XXIV, 53). Добролюбов утверждал, что «человеком управляют не отвлеченные взгляды и верования, а жизненные факты» — и Плеханов констатирует, что «это положение тоже противоречит историческому идеализму» (XXIV, 56).

Все это, с точки зрения Плеханова, не только свидетельствует о глубине добролюбовского материализма. Это одновременно теоретическая основа и революционной программы Добролюбова, и его гуманизма, о котором, как замечает Плеханов, «слишком легко забывают господа, обвиняющие наших передовых «шестидесятников» в бессердечии и жестокости» (XXIV, 53)³⁷¹. Вот как полно и широко понимал Пле-

³⁶⁹ «Театр», 1961, № 11, стр. 109.

³⁷⁰ См. также: Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 221.

³⁷¹ В связи с вопросом об этике шестидесятников уместно привести не публиковавшийся вариант одного места статьи «Добролюбов и Островский»: «Нравственное самовоспитание интеллигента д(олжно) б(ыло) состоять, между прочим, в постепенном приобретении привычки к мысли об утрате материального обеспечения. Аскетизм. Рахметов. Ср. Лассалья:

ханов взгляды Добролюбова-мыслителя. Не превращая его в исторического материалиста (что было бы нарушением элементарных принципов исторического материализма), он увидел в его воззрениях глубокую и плодотворную тенденцию к материалистическому объяснению общественных явлений. Но это была именно тенденция. Её Плеханов находит (хотя и не столь сильно выраженной) и у французских материалистов XVIII века, у которых она довольно мирно сосуществовала с положением «мнение правит миром», и у русских материалистов 40—60-х годов XIX века (наиболее показательный пример — Чернышевский, который высказал гениальную мысль о зависимости между социальным бытием какого-либо класса людей и его эстетическим сознанием — и в то же время был самым несомненным просветителем в плехановском смысле слова). Эта антиномия между материалистическим взглядом на человека, на взаимоотношения между человеком и общественной средой и общим идеалистическим взглядом на историю свойственна была всем школам домарковского материализма и устранена лишь в трудах основателей научного социализма.

Правда, характеризуя философию истории Добролюбова, Плеханов почти не выходит за рамки её типологической общности с учениями французских материалистов и Фейербаха, не уделяет должного внимания отличительным чертам добролюбовской мысли. Между тем новейшие исследования показывают, что даже в сравнении с Чернышевским молодой Добролюбов в некоторых отношениях (и в том числе в вопросе о том, в какой именно мере «мнения правят миром») проявлял себя как мыслитель более трезвый и реалистичный³⁷². Отсюда же у Плеханова чрезмерное акцентирование просветительского характера критических взглядов Добролюбова. «В его лице мы имеем перед собой типичного критика-просветителя» (XXIV, 48), — замечает Плеханов и ставит одной из главных своих задач «рассмотрение того, каким образом материалист Добролюбов прилагал исторический идеализм к выяснению основных вопросов литературы» (XXIV, 46).

проклятое отсутствие потребностей. Лассаль обращался к другому классу. Русский интеллигент нередко обвиняет западного рабочего социалиста в буржуазности. Мережковский. «Русское богатство». Они отстали на 50 лет. Мережковский может понять Жадова, но не может понять западного пролетария. Впрочем, он и Добролюбова способен понять только отчасти. Многими сторонами своего мирозерцания он гораздо ближе к Новикову, чем к Добролюбову». (АДП, № 6289, т. 976, лл. 6—7, ср. XXIV, 54—55).

³⁷² См. Г. Соловьев, Эстетические взгляды Добролюбова, Гослитиздат, М., 1963, стр. 24—25 и др.

Историко-литературная и теоретическая ценность статьи Плеханова связана, конечно, не с этими замечаниями о чертах типологического сходства между Добролюбовым и другими материалистами-просветителями. В статье есть попытка уяснить специфику критической мысли Добролюбова; особенности его критического метода. Хотя, по мнению Плеханова; «общие литературные взгляды Добролюбова вполне совпадают со взглядами Чернышевского» (XXIV, 42), в понимании задач художественного творчества и литературной критики взгляды того и другого не вполне адекватны.

«В эстетических суждениях Добролюбова рассудочность дает себя чувствовать значительно больше, чем в суждениях Чернышевского» (XXIV, 60), — замечает Плеханов. Касаюсь знаменитого 17-го тезиса «Эстетических отношений» («Воспроизведение жизни — общий характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведения искусства имеют и другое значение — объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни»³⁷³), Плеханов указывал: «Не следует разлагать на отдельные элементы то, что в действительности представляет собою нечто органически целое. Чернышевский, в силу свойственной всем «просветителям» рассудочности, иногда разлагает это органическое целое на его отдельные составные элементы» (V, 314). У Добролюбова-критика Плеханов констатирует несколько иной, чем это выражено в триединой формуле Чернышевского, взгляд на задачи художественного творчества. Критик не считал обязательным требовать от художника приговора над явлениями жизни. Если по Чернышевскому произведения искусства имеют значение воспроизведения жизни, объяснения жизни и приговора о явлениях жизни, то «Добролюбову хотелось, чтобы художественные произведения давали объяснение жизни. А его критические статьи имели «значение приговора о явлениях жизни», как она изображается в произведениях художественной литературы» (XXIV, 48). Судя по всему, Плеханов считал подход Добролюбова менее рационалистичным и более широким³⁷⁴.

Добролюбовский взгляд на задачи литературы и литературной критики нашел выражение как в формулировке теоретических принципов «реальной критики», так и в критической практике младшего единомышленника Чернышевского.

³⁷³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, Гослитиздат, М., 1949, стр. 92.

³⁷⁴ Вопрос о критическом методе Добролюбова в соотношении с методом Чернышевского прекрасно освещен в статье: Б. Ф. Егоров, «Реальная критика» Н. А. Добролюбова, Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 65, 1958, стр. 28—42.

В изложении Плеханова особенности «реальной критики» Добролюбова сводятся к двум главным пунктам: «Во-первых, она не предписывает, а изучает. Она не требует, чтоб автор писал так, а не иначе; она лишь рассматривает то, и только то, что он пишет. (...) Во-вторых, реальная критика не приписывает автору своих собственных мыслей... Реальная критика ничего не навязывает художнику» (XXIV, 39 и 44). С этими двумя принципами литературной критики Добролюбова неразрывно связаны два критерия оценки художественного произведения — это критерии реализма и народности, то есть истины, правды жизни, с одной стороны, и выражения в литературе «естественных стремлений» данного времени и данного народа как меры широты и глубины самой правды — с другой (XXIV, 44). «Добролюбов высоко ставил Островского именно потому, что видел в нем художника, сумевшего понять и выразить естественные стремления своего времени и своего народа в самой глубокой их сущности» (XXIV, 47).

В сравнении с Чернышевским в критике Добролюбова произошло некоторое смещение акцентов от взглядов и теорий писателя в сторону объективного содержания его творчества. Из этой разницы критических методов учителя и ученика Плеханов выводит отчасти различие в их оценках произведений Островского периода его сближения с молодой редакцией «Москвитянина». Отзыв Чернышевского о драме «Бедность не порок» кажется Плеханову излишне суровым, в нем слышится «партийная вражда» западника к славянофильским увлечениям драматурга, хотя «Чернышевский враждовал в данном случае с тем, что отнюдь не заслуживало сочувствия» (V, 360). Добролюбов же, в соответствии с принципами своей «реальной критики», отнесся к пьесам Островского, имеющим привкус славянофильства, более сдержанно и объективно.

Из принципов «реальной критики» естественно вытекало отрицательное отношение Добролюбова к так называемой «тенденциозности» в литературе и в самой литературной критике. «Весьма большой вздор говорили те, — замечает Плеханов, — которые упрекали Добролюбова в сочувствии с тенденциозным художественным произведениям. Он был и не мог не быть непримиримым врагом подобных произведений. Понятно почему: тенденциозное изображение жизни искажает ее истину» (XXIV, 49)³⁷⁵. Добролюбовская «реаль-

³⁷⁵ Плеханов имел в виду, разумеется, дурную тенденциозность. «Под тенденциозностью, — замечал он в другом месте, — чаще всего понимают искажение действительности в угоду предвзятой идее» (X, 378).

ная критика», как показал Плеханов, была прямым отрицанием критики нормативной, которая исполнена высокомерного недоверия к литературе как художественному исследованию жизни, не изучает литературу, а дает ей предписания, о чем и как писать, навязывает автору свои собственные взгляды.

Этот аспект статьи Плеханова имел весьма актуальное звучание в начале 900-х годов, когда в ретроградной, либерально-буржуазной и декадентской литературе всячески третиновалась демократическая критика 60-х годов, которая была якобы грубо тенденциозной, делала искусство орудием посторонней идеи, унижала искусство и т. п.³⁷⁶. «Критика эта, — парировал Плеханов эти обвинения, — отнюдь не требовала от искусства какой бы то ни было тенденциозности. Напротив, она отворачивалась от тенденциозных произведений и требовала от художника только одного: жизненной правды. Уже поэтому она не могла дурно влиять на эстетический вкус читателей. И совсем не случайно было то обстоятельство, что Добролюбов очень верно судил о художественных достоинствах разбираемых им произведений» (XXIV, 59).

Те особенности критических взглядов Добролюбова, которые Плеханов отметил в своей статье, во многом отвечали его собственным представлениям о задачах литературы и литературной критики. Взгляд на художественную литературу как на незаменимое средство исследования жизни, преимущественное внимание к объективному содержанию и смыслу художественного произведения, требование глубокого реализма и высокой идейности — все это вошло существенными элементами в критический метод Плеханова, зачинателя марксистской критики в России.

3. Герцен. Некоторые итоги

Серию плехановских работ о революционных демократах, созданных в начале XX века, замыкают статьи о Герцене.

В марксистской публицистике, выступившей в преддверии и в год юбилея (1912) против всевозможных и главным образом веховских «легенд о Герцене», наиболее значительное и верное слово о нем, до появления ленинской работы, было сказано, несомненно, Плехановым.

Прежде всего следует отметить творческую активность Плеханова в период между 1909 и 1912 годами, когда идейная

³⁷⁶ См. Б. Садовской, О старой и новой критике. — «Весы», 1905, № 9—10, стр. 73—75; Р. Иванов-Разумник, История русской общественной мысли, т. II, СПб., 1908, стр. 55—56; «Вехи», М., 1909, стр. 84, 179—180; «Куда мы идем?», М., 1910, стр. 165—167.

борьба вокруг наследия Герцена достигла наивысшего накала. Помимо трех больших статей, специально посвященных Герцену («Герцен — эмигрант», 1909; «А. И. Герцен и крепостное право», 1911; «Философские взгляды А. И. Герцена», 1912), Плеханов обращается к его мыслям и трудам в целом ряде других работ, выступает до, во время и после юбилея с лекциями и рефератами на герценовские темы³⁷⁷. В день празднования столетия со дня рождения Герцена, 7 апреля 1912 года, Плеханов выступает с речью на могиле писателя в Ницце³⁷⁸.

Но дело заключается, конечно, не только в этом. На фоне тогдашней литературы о Герцене, включая марксистскую, плехановские работы отличались строгой научностью, отсутствием упрощений и вульгаризации в освещении главных сторон герценовского наследия. В первую очередь это относится к вопросу о причинах и содержании духовной драмы Герцена, вопросу, вокруг которого в основном и была сосредоточена предъюбилейная борьба.

Это был трудный в теоретическом и злободневный в практическом отношении вопрос. От его решения во многом зависела та или другая оценка всего хода идейного развития Герцена, его основных моментов, конечных итогов и возможных перспектив. Не было случайностью, что именно на этом пункте марксистская публицистика дала бой тем общественным силам, которые стремились представить Герцена «своим» — если не единомышленником, то союзником, пытались использовать его наследство для борьбы с идеями материализма, социализма и революции.

Как известно, социальная и философская сущность духовной драмы Герцена с классической ясностью и полнотой была раскрыта В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена», опубликованной вскоре после юбилейных дней, 8 мая 1912 года, в центральном органе РСДРП — газете «Социал-демо-

³⁷⁷ Н. А. Герцен в письме от 29 февраля 1912 года, благодаря Плеханова за присылку ей статей «Герцен-эмигрант» и «Герцен и крепостное право», писала: «Я с радостью нашла в них некоторые отзвуки вашей прошлогодней лекции о моем великом отце, лекции, которая была для меня самым выдающимся моментом апрельских торжеств и которая останется моим лучшим воспоминанием о них». — Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 396. Интересные воспоминания Б. И. Горева о парижском реферате Плеханова «Толстой и Герцен» см. в сб. «Плеханов и Толстой», М., 1928, стр. 150.

³⁷⁸ Подробное изложение речи Плеханова дала большевистская «Звезда» в сообщении С. Ремского «На могиле А. И. Герцена (письмо из Ниццы)» в номере от 10 апреля 1912 года. Об участии Плеханова в чествовании памяти Герцена за границей информировали читателей «Русские ведомости» (в номерах от 7 и 10 апреля).

крат», выходящей в Париже. Плеханов в своих статьях «герценовского» цикла, созданных в основном до юбилея, с одной стороны, подверг критике те объяснения драмы Герцена, которые предлагали веховцы, декаденты и народники, а с другой — дал такое решение этого вопроса, которое оказалось в тогдашней марксистской литературе наиболее близким к ленинскому. В том и другом отношении его работы сыграли немалую роль в борьбе против легенды о Герцене и его духовной драме, которая получила широкое хождение в годы, предшествовавшие юбилею.

Одним из творцов этой легенды был С. Булгаков, вначале «легальный марксист», а затем участник сборника «Вехи», человек, в короткий срок проделавший путь «от исторического материализма до Оптиной пустыни» (XXIII, 28). Еще в 1902 году он поместил на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» статью «Душевная драма Герцена», которая вскоре затем была им дважды перепечатана³⁷⁹. По Булгакову главные причины духовной драмы Герцена — его атеизм и «позитивизм», то есть материализм. «Герцен — Прометей, прикованный или, вернее, сам себя приковавший к бесплодной скале позитивизма»³⁸⁰. Прометеевский (по Булгакову — религиозный) строй души Герцена пришел будто бы в противоречие с атеизмом и материализмом его взглядов. «В этом несоответствии мировоззрения духовным запросам личности, которая не может, однако, преодолеть его изнутри, и состоит душевная драма Герцена»³⁸¹. Герцен, по мнению Булгакова, хотя и кружным путем, более отрицательным, чем положительным, ведет «к идеалистическому и религиозному мировоззрению», которое одно является противоядием от душевного мещанства и в этом смысле неизмеримо эффективней общественных и «хозяйственных реформ» социализма, затрагивающих только «внешнего человека» и не устраняющих мещанского самодовольства и духовной пустоты»³⁸².

Версия Булгакова, ее антиматериалистический и антисоциалистический элементы были подхвачены многочисленными интерпретаторами драмы Герцена³⁸³. В статьях «Евангелие от декаданса» (1909) и «Идеология мещанина нашего времени» (1908) Плеханов остро и темпераментно критиковал Ме-

³⁷⁹ Между прочим — в сборнике «От марксизма к идеализму» (СПб., 1903, стр. 161—194), на который намекает Плеханов в приведенных выше словах. Статья Булгакова могла быть известна Плеханову и по публикации в журнале «Вопросы философии и психологии».

³⁸⁰ С. Булгаков, Душевная драма Герцена, Киев, 1905, стр. 42.

³⁸¹ Там же, стр. 43.

³⁸² Там же, стр. 39, 43.

³⁸³ На страницах черносотенной «России» ее развивал некий «Критик», писавший в статье «А. И. Герцен»: «Раннее знакомство с матери-

режковского и Иванова-Разумника за то, что они по-булгаковски истолковали драму Герцена, стремясь использовать его имя в своей борьбе с материализмом и социализмом.

Д. Мережковский доказывал, например, что Герцен не имел ответа на вопрос, «чем народ победит мещанство», ибо он боялся «религиозных глубин еще больше, чем позитивных мелей». Бессознательно Герцен искал бога, а сознанием своим отвергал его, и в этом раздвоении заключалась его трагедия. Вывод тот же, что и у Булгакова: надо отказаться от «догматического позитивизма» и перейти на точку зрения «грядущего христианства», в котором только и «заключена сила, способная победить мещанство и хамство грядущее»³⁸⁴. На подобной же позиции в объяснении герценовской трагедии, его критики западноевропейского мещанства стоял и Иванов-Разумник, который приписал Герцену свой собственный взгляд на мещанство как на некую вечную «внесловную и внеклассовую группу» — для того, чтобы говорить вслед за Булгаковым и Мережковским о «потенциальном мещанстве социализма»³⁸⁵.

Блестяще опровергнув вульгарные взгляды Мережковского и Иванова-Разумника на материализм как философию бездуховности и на социализм как царство золотой середины и мещанства, Плеханов показал, что их брызгливый скепсис и нападки на социализм не имеют ничего общего с герценовской критикой мещанства современного ему буржуазного мира. Их антимещанство на поверку оказывается лишь «идеологией мещанина нашего времени». «В сущности, настроение этих скептиков, — заключал Плеханов, — не имеет ровно ничего общего с настроением Герцена. Он думал, что только торжество рабочего класса могло бы спасти Запад от овладевшего им мещанства. А наши нынешние скептики считают одним из самых ярких проявлений мещанства именно современное рабочее движение. Ясно, что они — далеко не родня Герцену; ясно, что они все приемлют его знаменитое имя» (XXIII, 300—301). По его мнению, и декадент Мережковский,

лизм и влияние философии Фейербаха, заставившие Герцена еще в юности поспешно зачеркнуть все, что граничило с религиозной метафизикой, превратили для него эту борьбу за свободу личности в глубокую трагедию» и т. д., вплоть до указания на главный «завет» Герцена — «завет непримиримой борьбы с мещанством и в жизни, и в мысли» — «Россия», 1912, № 1952 от 7 апреля. А в номере от 11 апреля тот же «Критик» обрушился на Плеханова за его якобы «тенденциозность» в освещении философских взглядов Герцена.

³⁸⁴ Д. Мережковский, Грядущий хам. Чехов и Горький, СПб., 1906, стр. 10, 15.

³⁸⁵ Р. Иванов-Разумник, История русской общественной мысли, т. I, СПб., 1910, стр. 14, 369.

и неонародник Иванов-Разумник поняли духовную трагедию Герцена, его разочарование в Западной Европе и его борьбу с мещанством еще хуже, чем почвенник Страхов, писавший о ней в своей книге «Борьба с Западом в нашей литературе» (XVII, 290; XIV, 282)³⁸⁶.

В серии работ о Герцене Плеханов дал глубокое объяснение духовной драмы писателя, связав ее с общим развитием его социальной и философской мысли.

Драма эта, по мнению Плеханова, имела много общего с идейным кризисом, пережитым в свое время Белинским («примирение с действительностью»). Как Белинский в конце 1830-х годов остро почувствовал несостоятельность «абстрактного идеала», так и Герцен в предверии революции 1848 года и особенно глубоко после ее поражения осознал беспочвенность идеалов утопического социализма того времени.

Сам в молодые годы социалист сен-симоновской школы, Герцен еще до отъезда из России (в январе 1847 года) с известной дозой скептицизма относился к утопическому социализму³⁸⁷. Знакомство с западноевропейской жизнью усилило его скептицизм. Об этом свидетельствует, по мнению Плеханова, четвертое «Письмо из Франции и Италии» (сентябрь 1847 года), где Герцен писал об основателях утопических систем как о людях, которые «не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение»³⁸⁸.

Размышления о судьбах идей социализма и социалистического идеала в современном мире — основной лейтмотив, сквозная тема трагической книги «С того берега», начиная с ее первой главы, написанной еще «перед грозой» 1848 года (XXIII, 400). По словам Герцена, главная беда в том, что «мысль забегает всегда далеко вперед, народы не успевают за своими учителями»; что «жизнь имеет свою эмбриогению, не совпадающую с диалектикой чистого разума»; что цивилизация «чертит идеалы жизни, она мечтает апотеозу своего собственного быта, но на жизни не лежит обязанность исполнять ее фантазии и мысли»³⁸⁹. В последующих главах, соз-

³⁸⁶ С точки зрения Страхова, Герцен — «западник, отчаявшийся в Западе» и в жизни вообще в результате влияния на него философских взглядов западных мыслителей (Гегеля и Фейербаха), которые «лишили его всякой воли, убили в нем все начала деятельности и наполнили его одним отчаянием» (см. Н. Страхов, Борьба с Западом в нашей литературе, СПб., 1882, стр. 83, 88 и др.).

³⁸⁷ См. А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, Изд-во АН СССР, М., 1954, т. II, стр. 345; т. III, стр. 204. Оба места приводятся Плехановым (XXIII, 390).

³⁸⁸ Там же, т. V, стр. 62.

³⁸⁹ Там же, т. VI, стр. 24, 29, 31.

данных уже «после грозы», то есть после июньских кровавых дней, мысль Герцена приобретает еще более трагический колорит в связи с тем, что в революции 1848 года не нашлось общественных сил, способных осуществить «коренной экономический переворот — 93 год социализма». Но вопрос, который неотступно стоит перед Герценом и здесь, все тот же: «Где лежит необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?»³⁹⁰. Разочарование в тогдашнем утопическом социализме, который не только не отвечал на этот вопрос, но даже серьезно не задумывался над ним — такова, по Плеханову, одна из сторон душевной драмы Герцена.

Другая, не менее существенная сторона её — разочарование Герцена в тех реальных общественных силах, которые должны были бы взяться за решение социального вопроса. Признаки этого разочарования Плеханов также находит еще в «Письмах из Франции и Италии», написанных до революции 1848 года. Тогда скептицизм Герцена коснулся в основном буржуазии, «Парижа, за ценз стоящего»³⁹¹. После поражения революции неверие распространяется и на мелкобуржуазную интеллигенцию, которая в июне 1848 года ополчилась на защиту мещанского порядка³⁹², и на «работников», которые неизбежно будут, как он думает, отравлены ядами мещанства, на весь строй западноевропейской жизни в целом. Глубину отчаяния Герцена передает клич «Vive la mort!» (Да здравствует смерть!), брошенный им в лицо мещанской Европе. «На Западе нет силы, способной победить мещанство, — в этом разочарование Герцена»³⁹³, — подчеркивает Плеханов.

Плеханов установил внутреннее единство между драматическими размышлениями Герцена о судьбах социализма в современном ему мире и теми философскими идеями, которые он развивал в «Письмах об изучении природы». Стремление Герцена стать монахом в социализме «значительно облегчалось для него тем, что он сначала прошел прекрасную школу монаха Гегеля, а потом также очень хорошую школу монаха Фейербаха» (XXIII, 452).

То, что Герцен понял слабую сторону тогдашних школ утопического социализма, осознал необходимость устранения дуализма между идеалом и действительностью, свидетельство-

³⁹⁰ Там же, стр. 27.

³⁹¹ В основном, но не исключительно, как это утверждает, полемизируя с Плехановым, Д. И. Чесноков в своей книге «Мировоззрение Герцена» (Госполитиздат, М., 1948, стр. 76—78). Горькие сомнения мыслителя в возможности «93 года социализма», на которые указывает Плеханов («Но где силы на него? Где люди? а пуще всего где мозг?»), относятся не к одной буржуазии.

³⁹² Литературное наследие, сб. VI, стр. 61—62.

³⁹³ Там же, стр. 41.

вало о его «выдающейся даровитости», глубине его мысли (XXIII, 408). Но для этого нужно было быть не только мыслителем, но и революционером. Герцен «делал диалектику духовным рычагом революционного движения» (XXIII, 381). В качестве диалектика Герцен говорил (во втором из «Писем об изучении природы»), что доказать, «понять предмет — значит раскрыть необходимость его содержания, оправдать его бытие, его развитие»³⁹⁴. «Примените эти общие соображения к социализму, — пишет Плеханов, — и вы увидите, что Герцен должен был столкнуться с той загадкой сфинкса³⁹⁵, которая привела его к разочарованию в утопическом социализме. В самом деле, если «доказать» предмет значит раскрыть его необходимость, то «доказать» социализм значит открыть объективную необходимость будущего перехода буржуазной общественной организации в социалистическую» (XXIII, 425).

В постановке этой задачи заключалась огромная теоретическая заслуга мыслителя, которая определила его место в истории социалистической мысли. Герцен — один из наиболее вдумчивых и блестящих представителей той переходной эпохи, когда социализм стремился сделаться «из утопии наукой» (XXIII, 445). Что же касается его собственного ответа на задачу, то в теории «русского социализма» сказались слабейшие стороны философских взглядов Герцена. Правильно решая вопрос об отношении мышления к бытию в плане естественнонаучном, Герцен не смог так же правильно решить его в применении к ходу исторического развития человечества. Драма Герцена была обусловлена, таким образом, не его материализмом («позитивизмом»), как об этом твердили Булгаковы и Мережковские, а недостатками, недоработанностью герценовского материализма.

К тому же выводу приходит Плеханов, анализируя и суждения Герцена об общественном строе Западной Европы, ее вероятном будущем. Подвергая во многом справедливой критике «мещанскую» цивилизацию («блестящие страницы, посвященные им мещанству, до сих пор сохранили значение серьезного — хотя далеко не всегда полного и безошибочного — анализа западноевропейской духовной жизни» — XIV, 271), Герцен впадает в огромное заблуждение, когда «он пытается точнее определить вероятный ход дальнейшего развития западноевропейской экономики» (XIV, 281) и пред-

³⁹⁴ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. III, стр. 124.

³⁹⁵ В другом месте, говоря о том, что перед Белинским и Герценом встала задача обоснования идеи революционного отрицания объективным ходом общественной жизни, Плеханов заметил: «Она стояла перед ними, как сфинкс, со словами: «Реши меня, или я пожру твой социализм» (XXIII, 403).

сказывает все большее и большее приобщение западного «работника» к мелкой собственности. И здесь ограниченность его материализма помешала Герцену понять классовую природу событий 1848 года и представить себе последующие судьбы пролетариата. В этом отношении Плеханов правомерно противопоставляет разочарованию Герцена, наступившему после революции 1848 года, спокойную уверенность Маркса, герценовскому «Да здравствует смерть!» марксовское: «Революция умерла, да здравствует революция» (XIV, 282)³⁹⁶.

«Теоретическая драма Герцена состояла в том, что он, чувствуя несостоятельность исторического идеализма, не мог сделаться историческим материалистом» (XXIII, 407), — заканчивает Плеханов свой анализ духовной драмы Герцена. «Мучительность этой драмы, — добавляет он в другом месте, — нимало не ослаблялась тем, что завязка ее совершалась в области теории: лучшие «люди сороковых годов» умели связывать самые глубокие вопросы теории с самыми жгучими вопросами общественной жизни» (XXIII, 395).

Если учесть, что даже в марксистской литературе начала XX века, исключая работу Ленина, драма Герцена (ее содержание и причины) или понималась узко и упрощенно³⁹⁷, или вообще игнорировалась³⁹⁸, то нельзя не оценить должным образом полноты и глубины плехановского анализа ее.

Конечный вывод Плеханова в основе своей совпадает с тем, который был сделан Лениным в работе «Памяти Гер-

³⁹⁶ Как известно, этими словами Маркс закончил свой анализ уроков революции 1848 года в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 32). «На Западе, — говорит Плеханов в другом месте, — неудачный исход революционного взрыва 1848—1849 гг. «разочаровал» только тех социалистов, — правда, их было много, — которые еще не разделились с утопическим взглядом на движение пролетариата. Маркс и Энгельс не «разочаровались» ни в чем именно потому, что они стояли на точке зрения научного социализма» (XIX, стр. 289—290).

³⁹⁷ Так, А. Луначарский в статье «Памяти А. И. Герцена» сводил драму Герцена к антинормии между реализмом и романтизмом: «Между реализмом и романтизмом Герцена не было строго определенной связи. В тех случаях, когда линии желательного и действительного расходились катастрофически резко, две души Герцена входили между собой в острейший конфликт. Самую сильную такую бурю Герцен перенес после июньской революции» («Новая жизнь», 1912, № 4, стр. 176). В статье К. Левина «Национализм и социализм А. И. Герцена» мыслитель рассматривался как «московский барин», убежденный националист, корни мировоззрения которого «лежали, конечно, не столько в крушении революции 1848 года, сколько в свойствах природы Герцена, истинного москвича, чисто русского просвещенного барина» («Просвещение», 1912, № 5—7, стр. 21).

³⁹⁸ Франц Меринг в одной из статей 1908 года утверждал, что революция 1848 г., свидетелем и очевидцем которой оказался Герцен, «не

цена»: «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед—историческим материализмом. Эта «остановка» и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года»³⁹⁹. Однако в ленинской работе рядом с «теоретической» глубоко проанализирована и другая, социально-историческая причина драмы, которая осталась почти не затронутой у Плеханова. В духовной драме Герцена Ленин видит порождение и отражение «той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»⁴⁰⁰. Конкретно-исторический подход к объяснению социальных причин герценовской драмы позволил Ленину прочно увязать ее анализ с современными проблемами революции и пролетарского движения, что Плеханову удалось сделать в значительно меньшей степени.

Однако глубокое понимание теоретической драмы Герцена дало Плеханову возможность наметить в своих работах такую линию идейной эволюции мыслителя, которая во многом соответствовала действительному ходу его умственного развития, правильно характеризовала его основные этапы. Анализируя мировоззрение писателя 1850-х и 1860-х годов, Плеханов особое внимание уделяет герценовскому решению проблемы социализма и проблемы революции.

Со всей определенностью Плеханов указал на то, что разочарование Герцена в западноевропейском утопическом социализме не означало отказа от идей социализма вообще. Эти идеи он считал величайшим завоеванием европейской цивилизации, таким плодом ее исторического развития, которым нельзя поступиться (XXIII, 423). «Он был социалистом со студенческой скамьи и до конца своей жизни, — утверждал Плеханов, возражая «либеральным мудрецам» вроде В. Богучарского, отлучавшим Герцена от социализма»⁴⁰¹.

столько сделала из него другого человека, сколько раскрыла его истинное существо. Говорили, что перед лицом революции он совершенно утратил свою революционную веру: на самом же деле стало лишь очевидно, что он был неспособен к какому бы то ни было революционному мышлению и пониманию. Его мечта рассеялась, столкнувшись с жестокой действительностью, и на ее грубой почве он остался беспомощным в своих заблуждениях» (цит. по: Мих. Лифшиц, Читая Герцена. — «Вопросы философии», 1967, № 1, стр. 114—115).

³⁹⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 256.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 37. См. также рецензию Плеханова на книгу В. Я. Богучарского «А. И. Герцен» (XXIII, 446—452).

Для Герцена задача состояла в том, чтобы, не отказываясь от социалистического идеала, найти в самой действительности объективную основу для его осуществления. После 1848 года такой реальной основой представилась ему русская поземельная община. Так возник общинный, крестьянский, «русский социализм» Герцена, формулой которого явилось: «Народный русский быт и наука Запада»⁴⁰². По мысли Герцена, «разумное и свободное развитие русского народного быта совпадает с стремлениями западного социализма»⁴⁰³.

В теоретическом плане герценовский социализм — это, как показал Плеханов, попытка устранить драматический разрыв между идеалом и действительностью и прорваться мыслью к материалистическому объяснению общественных явлений. Идеалистическая в своей основе и в своих окончательных выводах (поскольку община признавалась в последнем счете созданием русского народного духа), «эта теория Герцена, в своих промежуточных звеньях, проникнута материалистическим сознанием зависимости «сознания» от «бытия»: западное «мещанство» обуславливалось, по мнению Герцена, исключительным господством на Западе частной собственности, а отвращение русских от мещанства объясняется существованием у них поземельной общины» (XIV, 297). Русская община сыграла в теории Герцена роль страстно искомого им «моста из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение». Но это был шаткий мост, ибо сама по себе община не заключала в себе никаких действительных гарантий ни за социализм, ни против капитализма. Своеобразный социализм Герцена оказался на поверку тем же утопическим социализмом, но только в другой форме. «Герцен — отец русского народничества»⁴⁰⁴, народнического утопического социализма.

К началу XX века концепция «русского социализма» в ее различных вариантах уже опровергнута и теоретически — в работах русских марксистов — и практически — всем ходом развития русской жизни. «Жизнь уже произнесла свой критический приговор»⁴⁰⁵, — замечал Плеханов. Однако все еще делались попытки противопоставить будто бы «широкие» взгляды «русских социалистов» будто бы узким взглядам «ортодоксальных марксистов» (XIV, 302). На таком противопоставлении были построены во многом работы теоретиков

402 А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. XVIII, стр. 8.

403 Там же, т. IX, стр. 151.

404 Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 43.

405 Там же, стр. 45.

позднего народничества (Иванов-Разумник, Н. Русанов и др.) и «критиков Маркса» вообще (В. Богучарский, М. Гершензон, П. Струве и др.). Они видели «преимущество Герцена перед Марксом в том, что он, в противоположность автору «Капитала», социализм которого имел под собой материалистическую основу, смотрел на «социальный вопрос» с идеалистической точки зрения. На самом деле, — говорит Плеханов, — это было не преимуществом, а слабостью Герцена, причинившей ему много тяжелых страданий» (XXIII, 425—426). В этом отношении плехановская критика слабых сторон герценовского социализма имела злободневное значение, несмотря на известную неполноту (как и в объяснении духовной драмы, Плеханов почти не коснулся здесь вопроса о социальной сущности «русского социализма» Герцена как выражения демократических устремлений крестьянства).

Наряду с проблемой «Герцен и социализм» Плеханов рассматривает в своих статьях и проблему «Герцен и революция» — может быть, самую актуальную в период между поражением первой русской революции и новым революционным подъёмом. Плеханов показал, что разочарование Герцена в революции 1848 года не привело его к отказу от революционных методов борьбы, как об этом твердила русская пресса начала XX века — от черносотенной «России», считавшей Герцена раскаявшимся врагом, до поздних народников и веховцев, изображавших его своим учителем и единомышленником.

«Революции бесполезны, ничему не научат баррикады... Нужна долгая подготовительная работа и просвещение темных масс», — такие взгляды приписывал Герцену критик «России»⁴⁰⁶. Со своей стороны, народник Н. Русанов утверждал, что на рубеже 40—50-х годов Герцен стоял за революционное решение социального вопроса, а к концу жизни склонился к реформистской тактике⁴⁰⁷. По мнению С. Ашевского, глубоко заблуждались те, кто смотрел на Герцена «как на апостола революции в России»: после 1848 года «проповедником революции и кровавых мер он никогда уже более не выступал»⁴⁰⁸.

Особенно искаженно в свете либерально-буржуазных интерпретаций идейного наследия Герцена выглядело его отношение к либерализму и к революционным методам общественного переустройства.

406 «Россия», 1912, № 1952, 7 апреля.

407 «Русское богатство», 1909, № 7, стр. 185. Ср. с этим замечание Плеханова о позиции Герцена в 60-е годы: «Тактика Герцена революционизируется» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 37).

408 «Современный мир», 1912, № 7, стр. 63, 68.

Опровергая взгляды веховцев, стремившихся истолковать социально-политическую позицию Герцена в духе собственного либерализма, Плеханов ясно заявил: «Очень ошибаются те, которые относят его к либералам»⁴⁰⁹. «Те» в данном случае — это и М. Гершензон, и В. Богучарский, и П. Струве и многие другие публицисты либерального лагеря, желавшие «счестся родными» с Герценом. Один из них, Л. Слонимский, доходил до утверждения об идейной близости Герцена и Кавелина⁴¹⁰. По-видимому, не случайно одну из своих статей Плеханов посвятил вопросу «Герцен и крепостное право». Именно в годы подготовки крестьянской реформы в наибольшей степени проявились либеральные колебания Герцена, его надежды на революцию «сверху». Отсюда — понятный интерес к этому периоду со стороны «либеральных мудрецов», заявлявших, что издатель «Колокола» «боролся за минимальную программу русского либерализма»⁴¹¹ и выступал противником революции⁴¹². Не отрицая ни умеренного характера программы «Колокола», ни либерального характера надежд Герцена на Александра II и русское дворянство в период подготовки и проведения реформы, Плеханов подчеркивал, что даже в эти годы существовала принципиальная разница между позициями либералов и Герцена. Первые, писал он, «добивались только уничтожения крепостного права да некоторых «административных» и «религиозных» реформ (вспомните письмо Кавелина), между тем как Герцен в самом освобождении крестьян видел лишь первый шаг по пути к социализму» (XXIII, 343)⁴¹³. Вот почему либералы были удовлетворены «освобождением» крестьян от земли, в то время как герценовский «Колокол» объявил реформы Александра II «новым крепостным правом» и на вопрос, что нужно народу, дал «ответ, звучащий революционным призывом: очень просто — народу нужна земля и воля» (XXIII, 331).

⁴⁰⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 35.

⁴¹⁰ Л. Слонимский, А. И. Герцен и К. Д. Кавелин. — «Запросы жизни», 1912, № 12, стр. 719—724.

⁴¹¹ М. Гершензон, Социально-политические взгляды А. И. Герцена, М., 1906, стр. 3. «Тожество!!!» — восклицал Плеханов по поводу заявления Ч. Ветринского в книге «Герцен» (СПб., 1908) о тождестве программы Унковского и Герцена (БДП, Д. 6144, стр. 330).

⁴¹² С. Ашевский, Реформы императора Александра II и «Колокол» Герцена. — «Современный мир», 1907, № 1, стр. 63; В. Богучарский, Герцен и первая из «великих реформ». — «Запросы жизни», 1912, № 12, стр. 714—716.

⁴¹³ Упомянутое письмо Кавелина, где он советует Герцену быть умеренным и не касаться вопросов политических, а лишь «административных» и «церковных», приведено Плехановым в статье «А. И. Герцен и крепостное право» (XXIII, 316).

Разрыв на этой почве⁴¹⁴ с либералами кавелинского и черинского типа, горячее сочувствие польскому восстанию, проклятия по адресу палачей крестьян и вожаков демократического движения 1860-х годов, ориентация на «молодую Россию» и обращенный к ней призыв идти в народ и возглавить его борьбу за землю и волю — все эти важнейшие факты политической биографии Герцена, отмеченные и проанализированные в статьях Плеханова, рисуют его не только как теоретика революционной мысли, но и деятеля революции. Даже применительно к современной политической ситуации в России Герцен «ближе всего к революционерам»⁴¹⁵. Этот вывод приобретал в литературно-общественной борьбе начала XX века особенно большое значение потому, что даже некоторые публицисты социал-демократического направления оказались в плену веховской легенды о Герцене и изображали его в своих работах либералом⁴¹⁶; правда, в отличие от веховцев, они не хвалили, а критиковали его за этот мнимый либерализм.

Как мыслителя-революционера, показывает Плеханов, характеризует Герцена и его отношение к проблеме революционного насилия. В противовес веховцам, которые считали ошибкой не то, что революцию 1905—1907 гг. не так делали, а то, что ее вообще делали⁴¹⁷, и апеллировали то к Толстому с его философией непротивления, то к Герцену, изображавшемуся ими по этому случаю «толстовцем еще до Толстого»⁴¹⁸, Плеханов раскрыл истинное отношение Герцена к проблеме, сопоставив его взгляды со взглядами Толстого.

⁴¹⁴ А не только из-за усиления влияния в герценовских изданиях Огарева и Бакунина, как это полагал Ч. Ветринский в книге «Герцен» (стр. 363). Взгляд Ветринского, разделявшийся и другими историками общественной мысли, Плеханов характеризовал как «до крайности поверхностный» (XXIII, 343).

⁴¹⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 46.

⁴¹⁶ «Нет мнения более ошибочного, как то, которое принимает Герцена за революционера», — заявлял, например, К. Левин в статье «Национализм и социализм А. И. Герцена» («Просвещение», 1912, № 5—6, стр. 19). По мнению Ю. Стеклова, «Герцен отстаивал умеренно-либеральную точку зрения и выражал взгляды либеральных помещиков» («Современник», 1912, № 7, стр. 331).

⁴¹⁷ П. Струве, Интеллигенция и революция. В кн.: Вехи, М., 1909, стр. 170.

⁴¹⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 5. По утверждению М. Гершензона, суть завещания Герцена — «Писем к старому товарищу» сводится к двухчленной формуле: раскрыть разум в себе и других, и в этом он предшественник и единомышленник Толстого (Социально-политические взгляды Герцена, М., 1906, стр. 11). К аналогичному выводу приходил и К. Левин. «Герцен в своих социально-политических воззрениях, — писал он, — был ближе всего к Руссо и Л. Толстому» («Просвещение», 1912, № 5—6, стр. 21).

В своих статьях и особенно в реферате «Толстой и Герцен» он показал, что «философия революции» Герцена — учение сложное, отражающее сложность самого явления. Имея в виду упомянутую статью Струве, Плеханов замечал по поводу увлечения Толстым в годы реакции: «Почему же ему аплодируют? Частью по незнанию, частью потому, что многие не хотят противиться злу насилем. Струве в «Вехах». А Герцен? Он никогда не был апологетом насилия для насилия (...). Но он и не апологет непротивления»⁴¹⁹. В этом смысле характерными для диалектической позиции, которую занимал Герцен по этому вопросу, Плеханов считал следующие слова в его программной статье «Революция в России» (1857): «Без сомнения восстание, открытая борьба — одно из самых могущественных средств революций, но отнюдь не единственное. (...) От души предпочитаем путь мирного, человеческого развития — пути развития кровавого, но с тем вместе так же искренне предпочитаем самое бурное и необузданное развитие застою николаевского status quo»⁴²⁰.

Глубочайшее отличие Герцена от Толстого состоит в том, что его гуманизм не мешает ему признать правомерность и законность революционного насилия. Плеханов сопоставляет отношение Герцена к польскому восстанию 1863 года с отношением Толстого к первой русской революции. Сопоставление оказывается противопоставлением. Во-первых, Толстой в противоположность Герцену считал равно виноватыми в трагических событиях обе стороны — и правительство и революционеры. Во-вторых, «Толстой со всем своим художественным чувством не понимал, да и не мог понять захватывающей поэзии самоотверженной революционной борьбы. А Герцен прекрасно понимал ее»⁴²¹.

Это различие между двумя мыслителями возводится Плехановым к более общему различию во взглядах Герцена и Толстого на проблему преступления, на вопрос о путях изменения жизни. Оба — и Герцен, и Толстой — протестовали против наказаний, но коренным образом расходились в понимании средств искоренения преступности. «Герцен говорит: причина преступности лежит в дурном устройстве общественных отношений. Толстой учит: царство божие внутри нас.

⁴¹⁹ Там же, стр. 17.

⁴²⁰ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. XIII, стр. 21—22; «Позволительно думать, — добавлял Плеханов, — что он и теперь не отказался бы повторить эту последнюю фразу, понимая под застою николаевского status quo тот застой, который так дорог правительству Николая II» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 10).

⁴²¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 12.

Один умозаключает к переустройству общества, другой — к нравственному улучшению отдельных лиц»⁴²².

Еще один аспект статей Плеханова, придававший им своевременность и злободневность в начале XX века, — анализ философских взглядов Герцена. Несмотря на некоторые неточности в определении философского содержания «Писем об изучении природы»⁴²³, Плеханов правильно охарактеризовал стремление Герцена-диалектика проложить путь для сближения философии с естествознанием. Приводя замечания Герцена, направленные в адрес современных ему эмпириков и идеалистов, Плеханов писал, что они попадают «не в бровь, а в глаз» многим естествоиспытателям XX века — Оствальду, Маху, Геккелю. Их пренебрежение к философской теории оборачивается тем, что они оказываются в плену отсталых, несостоятельных теорий идеализма. Как известно, на эту сторону воззрений Герцена обратил внимание В. И. Ленин, писавший: «Первое из «Писем об изучении природы», — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов»⁴²⁴. Вопрос о соотношении опытного и теоретического знания принадлежал к числу актуальнейших в период философской дискуссии начала XX века, о чем свидетельствуют «Materialismus militans» Плеханова и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. В борьбе с различными идеалистическими «измами» наследие Герцена оказывалось «старым, но грозным оружием», и марксистская публицистика умело использовала его.

⁴²² Там же, стр. 8.

⁴²³ Плеханов полагал, что в период их создания Герцен «еще колебался между идеализмом и материализмом, причем был ближе к первому, чем ко второму» (XXIII, 23). В современных исследованиях на этот счет единого мнения нет: одни считают, что «Письма» — чисто материалистическое произведение (Я. Эльсберг, Герцен, Гослитиздат, М., 1951, стр. 157—168), другие видят следы идеализма только в использовании идеалистической терминологии (см. комментарий З. В. Смирновой в кн.: А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. III, стр. 332), третьи находят, что Герцен иной раз не только выражался, но и думал как идеалист (Д. И. Чесноков, Мироззрение Герцена, Госполитиздат, М., 1948, стр. 113—115; А. И. Володин, Герцен и Гегель, сб. «Проблемы изучения Герцена», Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 106—107). Думается, что последний вывод, совпадающий с первой частью плехановской формулы («колебался между материализмом и идеализмом»), ближе всего к истине. Что касается второй части формулы Плеханова, то она неверна: Герцен в «Письмах об изучении природы» ближе к материализму, чем к идеализму.

⁴²⁴ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 256.

Оценивая общее направление и возможные перспективы философской эволюции мыслителя-революционера, Плеханов приходил к выводу, что «ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, а, стало быть, и Маркса» (XXIII, 377). Справедливость этого вывода по отношению и к социальным воззрениям Герцена Плеханов доказывает анализом «Писем к старому товарищу» — революционного завещания Герцена, которое идеологи либерально-буржуазной интеллигенции выдавали за свидетельство его умеренности и постепенства⁴²⁵. В этих «Письмах», особенно во втором из них, сказалось новое настроение Герцена после многих лет разочарования в Западной Европе. Деятельность Международного Товарищества Рабочих, созданного и руководимого Марксом, вызвала в нем «новую надежду на то, что и на Западе найдутся силы, способные решать социальные вопросы. Но смерть не дает окрепнуть этой новой надежде» (XXIII, 419). Однако самый факт глубокого интереса Герцена к Интернационалу Плеханов расценивает как весьма знаменательное событие в его духовной жизни.

В борьбе вокруг идейного наследия Герцена в начале XX века плехановские анализы духовной драмы мыслителя, его отношения к вопросам социализма и революции, его философских взглядов играли бесспорно положительную роль. Вызывая нападки явных ретроградов и мнимых последователей Герцена за их якобы «тенденциозность» и чрезмерное сближение Герцена с марксизмом⁴²⁶, статьи Плеханова прокладывали дорогу для подлинного научного истолкования герценовского наследия.

Подведем некоторые итоги.

Достоинства концепции развития передовой русской общественно-философской и литературно-эстетической мысли, которую Плеханов развернул в своих работах начала XX века в борьбе с либерально-буржуазными легендами, несомненны. Они состоят прежде всего:

1) в широком соотношении исканий и взглядов Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова с узловыми

моментами в развитии домарксовской философии и эстетики, с одной стороны, и с учением Маркса — с другой;

2) в наглядном показе идейных и теоретических связей между революционно-демократическим и марксистским этапами передовой мысли в России;

3) в раскрытии таких отличительных черт революционно-демократической философии и эстетики, как сочетание в них материализма и диалектики и как их революционно-практическая направленность.

Особенно значительным был взнос Плеханова в освещение эстетики и литературной критики Белинского, Чернышевского и Добролюбова. В этой области его работы, изобиловавшие глубокими и перспективными наблюдениями, пролагали во многом совершенно новые пути.

Просчеты работ Плеханова о революционных демократах имели, как указывал В. И. Ленин, главным образом методологический характер, что влекло за собой также ошибки политического и теоретического порядка. Узость социологического анализа реально-исторических предпосылок мировоззрения русских демократов, известная «идеалистичность» метода, в силу которой внимание исследователя сосредоточивалось почти исключительно на теоретической стороне дела, не позволили Плеханову с должной глубиной раскрыть крестьянскую, революционно-демократическую природу деятельности и мышления Чернышевского и Добролюбова, а отчасти и их предшественников.

Роль и значение работ Плеханова о революционных демократах в литературной борьбе начала XX века определялись в основном сильными сторонами его концепции и конкретного анализа. Эти сильные стороны обуславливают и место плехановских трудов в современной борьбе идей⁴²⁷.

⁴²⁵ См. П. Струве, Герцен.— «Русская мысль», 1912, № 4, стр. 138. В. Я. Богучарский, Александр Иванович Герцен, СПб., 1912. По поводу заявления Богучарского о том, что Герцен в «Письмах к старому товарищу» «упредил на много лет» идеи современного реалистического русла в европейском рабочем движении, Плеханов замечал: «Герцен = Бернштейну. Ну, вывод!». (БДП. В. 4312, стр. 175).

⁴²⁶ Помимо упомянутого выше «Критика» «России», назвавшего статью «Философские взгляды А. И. Герцена» «страшно тенденциозной», против Плеханова выступили также анонимный рецензент «Русского богатства» (1909, № 12, отд. II, стр. 105) и Н. Коробка («Запросы жизни», 1912, № 13, стр. 803—804).

⁴²⁷ Как известно, построения современных фальсификаторов истории русской философии и эстетики в целом и деталей восходят к веховской легенде, к концепциям Бердяева, Гершензона, Струве и др., опровергнутым и разбитым русскими марксистами, в том числе Плехановым, еще в начале 900-х годов. См. сб. «Против современных фальсификаторов истории русской философии», Соцэкгиз, М., 1960.